

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ

1743

2

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ

1743

ВЫПУСК 2

СОДЕРЖАНИЕ:

В. Васильев	Хроники дахов	3
А. Кокшаров	Огнестрельное оружие азиатских противников южноуральских каза- ков.....	28
Н. Семенова	Военное управление Оренбургским краем в XVIII - пер. пол. XIX веков.	65
Рецензии	.....	93

Историко-литературный альманах «1743» открыт для всех кому интересна история оренбургской земли с самых древних времен, через *край, губернию*, до сегодняшнего **Оренбуржья**..

Слишком долгий срок прошел с момента выхода первого номера альманаха - почти три года. Сегодня у нас есть все основания считать, что начиная с номера #2 альманах будет регулярным, возможно ежемесячным.

За это время изменилась издательская концепция. Теперь существует, не только сам альманах «1743», но и Библиотека альманаха. На сегодня в ней вышли книги двух оренбургских историков - Анатолия Прусса и Дмитрия Сафонова.

Книга «Начало Оренбургской истории» д.и.н. Д.А.Сафонова вызвала широкий интерес, споры. Считаем это большой своей удачей, так как в научных спорах, в столкновении мнений мы и приближаемся к пониманию исторической истины.

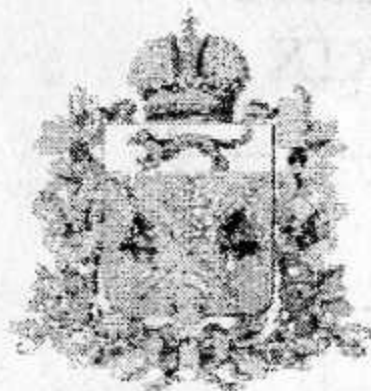
Линию на публикацию различных точек зрения альманах «1743» будет продолжать. Например, в первом номере была опубликована статья посвященная С.М.Цвиллингу Л.И.Футорянского, в третьем номере выйдет статья Д.Сафонова посвященная этому же человеку.

Альманах планирует знакомить читателя и с историей более близкого времени.

редактор Игорь Пьянков

Содержание # 1 «1743»:

И.Г.Акулинин «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками»
А.Д.Сафонов «Легенда о «казачьем мятеже» **И.Г.Пьянков** «В тени Пугачева»
Л.И.Футорянский «Из истории казачьего самоуправления и «автономии»
Я.И.Корнеев «Кадетские корпуса в России» **Д.А.Ковылин** «Из истории кооперации России и Оренбуржья в конце XIX - начале XX веков» **Т.А.Камскова** «Народные библиотеки Оренбургского края конца XIX - начала XX веков» **А.Д.Кокшаров** «Ручное огнестрельное оружие специального назначения в коллекции Оренбургского областного краеведческого музея» **Л.И.Футорянский** «Люди и судьбы Оренбургского края»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

ЛР 070332 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10
тел./факс 77-23-53 E-m: orennet@rambler.ru
Подписано в тираж 22 декабря 2003 г.
Тираж 999 экз

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВ

Уфа, к.и.н., археолог УНИ, Институт
истории языка и литературы РАН

Хроники дахов

*Этот старый кувшин на столе бедняка,
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука.
Грудь умершей красавицы или щека.*

(Омар Хайям. Рубайт) XII в.

В глубокой древности, на заре железного века, устремились из глубин Азии многочисленные кочевые племена. Сначала это были киммерийцы, потом скифы. Достигнув берегов Понта Эвксинского¹, скифы в погоне за киммерийцами пересекли Кавказ и обрушились на неведомые им народы, обильно окропив своей и чужой кровью каменистые пустыни полуденных стран.

За несколько десятилетий до этого, во время движения скифов, откалывались от них большие и малые племена, навсегда оставаясь в облюбованных степях. Так появились саки, массагеты, дахи и савроматы - народы арийского, скифского корня.

По крайней мере, так гласит старая, древняя легенда!

***

Будь проклята служба! Что ни день, то новые неприятности! Патрокл с досады ударил кулаком по столу. Опять отряд варваров проскочил границу и уже грабит Парфию². А что он может сделать? Гарнизон Александрополя³ насчитывает две илы⁴ всадников и пять сотен пехоты. Стены города обветшали и того гляди развалятся, а наемники-массагеты, составляющие половину пограничного отряда, не только не признают по своей варварской лености военной дисциплины, но и всячески отлынивают от строевой подготовки - этой основы основ. А будь у него обученная фаланга? Ничего бы не изменилось! За десять лет пограничной службы, Патрокл не помнил случая, чтобы скифы приняли правильный бой. Да и к чему им это! Переправившись через Аракс⁵ в любом месте, они ходят в набеги, куда им вздумается.

Патрокл выпил неразбавленного вина. Здесь на отшибе, вда-

ли от крупных городов, в этой богами забытой степи, он при- страстился пить не только по- скифски, но и стал одеваться как варвар. Широкие, свободные штаны, куртка. Зимой длинный плащ из козьей шерсти. По крайней мере, не кусают злобные москиты и комары сквозь широкий эллинский хитон.

Впрочем, варвары окружали его повсеместно. Во всем городке, набралось бы только три сотни эллинов. Остальные - персы, парфяне, согдийцы, бактрийцы и массагеты.

В эти вечерние часы, спяну, Патрокл любил философствовать наедине с собой, вспоминая счастливые дни молодости. Потом, отрезвев, опять проклинал службу и неблагодарную судьбу наемника. Иногда доставалось старым товарищам, обогнавшим его в карьере.

«Вот, к примеру, Диодот!»⁶ - думал он. Когда Патрокл был уже опытным воином, прошедшим с боями всю Сирию и Палестину, тот еще держал щит как корыто, а во время атаки постоянно сбивался с шага. А сейчас? Сейчас Диодот наместник, сатрап всей Бактрианы⁷! Патрокл не испытывал к нему неприязни. Все-таки вместе участвовали в боях, да и служили под началом самого Селевка⁸. Другое дело Евтидем⁹! Он видел его несколько раз в Селевкии¹⁰, при дворе, и никак не мог понять, за что этому замухрышке, не знающему на какое место одевается шлем, выпала такая удача - управление всей Согдианой¹¹. Сейчас он в далекой Мараканде¹² царь и бог. А царь Антиох¹³! Жалкое подобие своего отца! Никак не может отвоевать у Птолемея¹⁴ южную Сирию. Был бы жив его отец Селевк...!

Патрокл вздохнул - жить стало тяжело и опасно. Варвары только и ждут сигнала, чтобы всадить эллинам в спину свои короткие акинаки. Два года назад чуть не восстала Бактрия. Хорошо, что Диодот сумел вовремя раскрыть заговор, но главарь мятежников, некий Тиридат¹⁵, выдающий себя за Ахеменида¹⁶, бежал. Последнее время его, по сообщениям лазутчиков, видели в ставке Арсака¹⁷...

Патрокл с досады плюнул и крепко выругался. Чуть не заблудился! По установленной инструкции, он как начальник гарнизона обязан сообщить в Селевкию последние данные о кочевниках. Хорошо, что у Антиоха хватает ума понять степень опасности, исходящую из степи. Особенно Патрокла беспокоили дахи, появившиеся несколько месяцев за Араксом. Раньше о них он ни-

чего не слышал. Грек знал, что за рекой живут массагеты. Они же служили в его отряде. Патрокл иногда вспоминал какого-то умника, который в Сирийском походе рассказывал басни о том, как массагеты, лет за двести до него, разбили армию персидского царя.

Патрокл знал несколько имен царственных Ахеменидов, кажется, Кироса. Впрочем, он этому не верил, как и не читал книг. Десять лет тому назад Патрокл участвовал в экспедиции Демодама¹⁸ за Танаис¹⁹ и тоже видел там скифов. Но те называли себя саками. Теперь вот дахи, а может даи! Каждый произносит по-разному, как кому легче. Впрочем, он всегда путал варварские имена.

Патрокл никогда не видел Элладу как, впрочем, никогда не бывал в Европе. Отец Патрокла - Деметрий, бедный пастух из Македонии, поверив в звезду Александра, бросил вечно голодных и тощих овец, чтобы отправиться с царем на завоевание мира.

Патрокл помнил рассказы отца о великих царях, помнил рассказы о великих битвах и полководцах. Беззубым детских ртом он учился говорить не обычные слова, но такие как Александр и Дарий, Птолемей и Лисимах, Антигон и Селевк.

Его отец ошибся и поставил не того коня. В битве при Ипсе²⁰ он командовал таксисом²¹ пехоты на стороне Антигона, и чудом избежал смерти после страшного разгрома. Однако победители - Селевк и Птолемей сохранили ему жизнь. К тому времени осталось немного ветеранов выживших в кровавой бойне диадохов. К тому же Селевк помнил, как Деметрий спас ему жизнь при Арбелах²², заслонив щитом от акинака свирепого массагетского всадника.

Новый царь вернул ему командование, и тот дожил до 70 лет, когда в походе за Танаис был убит случайной скифской стрелой.

Патрокл родился спустя год после битвы при Ипсе, в армейском обозе, недалеко от Вавилона и не помнил своей матери, знатной согдийки, рано умершей от болезни. В 17 лет он впервые встал в ряды фаланги и к 50 годам превосходно постиг военное дело и геометрию правильного боя.

Все было бы хорошо, если бы не второй Селевкид, прозванный придворными льстецами Сотером-спасителем. Он не доверял прежним полководцам и старался задвинуть их на второ-

степенные должности, по окраинам империи. Так случилось с его отцом, так случилось с Демодамом и другими. Десять лет назад Антиох назначил его стратегом этого жалкого глинобитного захолустья. Дальше наверх пути не было. Это была ссылка!

Патрокл поежился от ночной прохлады и плотнее закутался в шерстяной плащ. Теперь все стало по-другому. Непокойно! Кроме воинственных скифов прибавилась и другая забота. От его старых товарищей Антимаха - наместника Маргианы²³, и Диодота приходили письма полные тревог. Последний намекал ему о том, чтобы было бы неплохо стать самостоятельным владетелем, - Патрокл вспомнив, усмехнулся. - Диодоту хорошо! Вокруг него цветущая страна! А ему каково! Голая степь и колючки. Чем владеть?

Особенно запомнилось последнее письмо. Диодот писал о том, что любой из эллинов, здесь в Азии имеет одинаковые права на трон. Тем более, что Селевкиды вовсе и не царского рода. Кроме того, он жаловался, что те совсем забросили восточные области государства и стараются лишь только побольше выжать золота, для бессмысленных войн с Птолемеями и потомками Антигона. А между тем писал сатрап Бактрии, на границах стоят огромные полчища варваров, и если те перейдут реку, то страна будет завоевана ими.

Из столицы так же доходили неутешительные вести. По слухам сатрапом Гиркании и Парфии назначен некий Андрагор и якобы уже едет к месту службы. Патрокл знал его как царедворца и поэтому не любил. Что его ждет? Отставка, пенсия, жалкий ветеранский надел сухой земли.

Но больше всего беспокоило другое. Полгода назад он отправил Диодоту письмо, где соглашался с его мыслями и даже предлагал свою помощь. Однако через месяц стало известно, что голец найден мертвым на дороге, в Маргиане, с ножом в спине. Сумки с письмом там не оказалось. Скифы так не убивают! А если нет, то кто? Что если письмо лежит на столе перед Антиохом? Это арест, казнь! Оставалось ждать и надеяться на судьбу. Только поэтому стратегу было наплевать на службу. Все мысли были направлены на одно - как выжить в грядущих событиях. Он был готов бросить все хоть сейчас и податься на службу куда угодно. Но это означало дезертирство и каралось смертью. У Селевкидов везде были свои глаза и уши, и Патрокл знал, что не успел

бы добраться до границ Гиркании или Маргианы, как был бы схвачен. Остаться же здесь? Это либо скорая отставка, либо смерть от случайной скифской стрелы.

Патрокл откупорил флягу и плеснул в ритон местного вина. Не разбавляя его водой, выпил. В эту ночь, пожалуй, ему не уснуть. Гулкий топот караула заставил его отвлечься от своих мыслей. Как любой командир он всегда думал и заботился о своих солдатах. Те, зная о том, любили и уважали своего стратега. Что будет с ними? С их семьями?

Дахи нападали неожиданно и всегда быстро уходили от погоны. Их мелкие отряды по две-три сотни всадников растворялись в ночи и уже на следующий день они грабили парфянские селения. Обозленный неудачами Патрокл, решил послать в степь подвижный воинский отряд. За Аракс ушла ила массагетов и две сотни пелтастов²⁴ во главе с Аристоменом. На восьмой день пути, пройдя всего 250 стадий²⁵ от границы, греки были атакованы скифами и после этого Патрокл о них долго не слышал. Через месяц, на левом берегу задержали двух бродяг, оборванных, обросших, смердевших как падаль, с безумными и голодными глазами. Велико же было удивление эллинов, когда в одном из них с трудом удалось узнать самого Аристомена. По его словам, скифы появились неожиданно, на закате дня, тут же рассеяли массагетов и ударили по пелтастам. Те как будто успели построиться и даже две первых шеренги сумели оцетиниться сариссами, но варвары, одетые в стальные панцири и вооруженные длинными и тяжелыми пиками, тараном рассекли пехоту и добились их длинными мечами. Оставшихся в живых, угнали в степь. Аристомен помнил раздирающий душу визг кочевников, тучу тростниковых стрел. Себя он успел прикрыть щитом, но стоявшая рядом кобыла, убитая десятком оперенных тростинок заваливаясь в сторону, ударила его копытом в защищенный панцирем живот. Очнулся он ночью, раздетый, весь в чужой крови и проклиная гадюк и скорпионов побрел на юг.

Эта неудача могла бы стоить головы стратегу Александрополья, если бы не смерть Сотера. Началась война между его сыновьями за престол и о нем забыли. Это собственно и спасло Патроклу жизнь.

А дахи тем временем наседали. Даже полукочевники массагеты, теснимые этими скифами, снялись с насиженных мест и

перейдя Аракс, поселились на левом берегу под защитой эллинских сторожевых башен и городских стен. Правда, неделю назад стратегу улыбнулась удача. Во время прорыва очередной шайки номадов, стрела, посланная кем-то с перепугу из засады убила под одним из них лошадь. Варвар при падении сломал себе несколько костей, но все же живым был доставлен в крепость. Сведения, полученные во время допроса пленника, показались полководцу ценными. Хорошо все обдумав и посоветовавшись с Аристоменом, он начал составлять донесение в Селевкию.

Патрокл не был силен в письме и как всякий воин, прослуживший в строю тридцать лет, лучше владел мечом, нежели стилосом. Однако, несмотря на это, он обладал удивительной памятью, помня имена более половины своих солдат.

После традиционных слов приветствия, на минуту задумавшись, Патрокл коряво вывел следующие строки: «... А еще, Великий Государь, хочу сообщить тебе новости. Варвары, появившиеся за Араксом, называют себя дахами или даями. Эти скифские племена - переселенцы из области даев, живущих над Метидой²⁶. Река, впадающая в Гирканское море²⁷ - Даик, носит название этого народа. По словам пленного номада, лет десять тому назад, даи выбрали себя царя по имени Арсак, из племени парнов, самого многочисленного, могущественного и воинственного. Как стало известно, причину переселения этих варваров следует видеть в засухе, которая уже несколько лет свирепствует в степях по Даику. Гибель скота, голод, заставили большую часть даев во главе с Арсаком уйти на юг, оставшиеся же откочевали на север, наверно к подножию Рифов²⁸.

Даи - племя массагетского, сакского корня. Переводчик из массагетов хорошо понимал пленного, не ощущая серьезных различий в языке. Обычай и образ жизни этих скифов похожи на массагетский и сакский. Они так же поклоняются четырем стихиям, а из богов наиболее чтут, как говорил пленник, «быстроходное Солнце». Поэтому по своей варварской доверчивости они и приносят ему в жертву белых лошадей.

Разбойник так же рассказал, что даи многочисленный народ. К бою они могут выставить 50 тысяч всадников, но я думаю это чересчур преувеличено. Оружие даев отлично от известных нам скифов. В схватке они действуют копьями наподобие наших сарисс²⁹ и длинными мечами. Знатные номады имеют доспехи из

костяных и стальных пластин, которые не пробьет ни стрела, ни махайра³⁰. Если такой отряд ударит по нашей фаланге, то без сомнения прорвет ее строй. Впрочем, применяемая ими тактика, возможно, и не потребует этого. Я имею в виду луки. Ими вооружены все - от детей, до глубоких стариков и женщин. Никто из них не пускает стрелу наудачу. В колчане пленного скифа их оказалось 200 штук, среди них тростниковые и деревянные. Наконечники в основном медные, но есть и железные. Представь, Государь, что даже если отряд в пять сотен воинов выпустит хотя бы по пятьдесят стрел каждый, что может быть с нашим отрядом.

По моему, этот народ представляет серьезную угрозу нашему государству. По словам пленного даха, в ставке Арсака, что находится у озера, где берет начало Аракс, появился некий Тиридат. Я полагаю, что это тот, кто пытался два года назад подбить Бактриану на мятеж. Он настолько вошел в доверие к царю дахов, что тот даже выдал за него свою дочь.

Теперь следует ожидать новых набегов кочевников. Поэтому я прошу усилить мой гарнизон конницей...»

Патрокл знал, что царь не пришлет ни одного всадника. Тем не менее, следовало подчеркнуть озабоченность государственного мужа. Немного еще поразмыслив, стратег пожелал Селевку II здоровья и силы. В конце письма

он поставил дату - 12 день месяца гекатомбеон 52 года.³¹

***

К сожалению, характер взаимоотношений кочевников и эллинизированного населения Средней Азии слабо освещен письменными источниками. Однако даже эти немногочисленные крупинки информации вкупе с данными археологии позволяют говорить о том, что уже с начала III в. до н. э., донесения именно такого характера посылались наместниками северо-восточных и восточных сатрапий Сирийского царства государям из династии Селевкидов.

Какие же кочевники окружали северо-восточную часть античной Ойкумены?

Согласно исследованиям советских и зарубежных ученых по Сыр-Дарье и к востоку от нее кочевали племена саков. Культура саков изучена достаточно хорошо. В Казахстане известны грандиозные курганы сакских правителей, поражающие свои-

ми размерами. Особенно интересен курган Иссык, раскопанный казахским археологом К.А. Акишевым, неподалеку от Алматы. Там, в неограбленной могиле лежал скелет сакского вождя в роскошном головном уборе - кулахе и костюме, усыпанном золотыми накладками, которые были когда-то нашиты на одежду.

К западу от Аму-Дарьи, между Каспием и Аралом, на территории современной Туркмении, на Устюрте и вплоть до Эмбы на севере, обитали массагеты, также входившие в обширную конфедерацию сакских племен и известные персам под именем «саки-тиграхауда». В 530 г. до н. э. массагеты прославились тем, что под предводительством своей царицы Томирис, где-то в узбойских степях уничтожили армию персидского царя Кира II. Сам Кир, как известно, пал в битве и его труп был обезглавлен.

В IV в. до н. э., а особенно в первой половине III в. до н. э. этнополитическая ситуация в степях между Каспийским и Аральским морями начала меняться. На фоне массагетских погребальных памятников, стали появляться неизвестные до той поры включения. Пришельцы хоронили своих покойников под курганными насыпями, в могилах с нишами-подбоями в длинной стенке, вытянуто на спине, головами на юг. Иногда, в качестве заупокойной пищи служили передние конечности овец. Наличие в погребениях оружия - мечей, кинжалов, наконечников стрел (как, например, погребение в могильнике Каскажел на Устюрте) говорит о далеко не мирных намерениях вторгшихся в массагетскую среду номадов. Более того, по мнению ученого Хермана, уже в первой половине III в. до н. э. пришельцы, а речь идет именно о дахах или даях, сумели подчинить себе массагетов.

Кто же это - загадочные дахи?

Первое сведение о народе «даха» мы находим уже в Авесте. Здесь дахи упоминаются вместе с племенами «ариев», «туров», «сайрима» и «саина». По мнению большинства исследователей, среди этих этнонимов следует видеть персов, массагетов (саксов) и савроматов. В данном случае можно предположить, что ко времени составления древнейших частей Авесты, все эти народы и племена обитали в непосредственной близости друг от друга, скорее всего на территории Передней Азии.

Дахи упоминаются так же и Геродотом, при повествовании об антимидийской войне, которую возглавил персидский царь

Кир II. У «отца истории» дахи фигурируют как персидское кочевое племя. Место их локализации в первой половине VI в. до н. э. можно очертить в районах к востоку от Евфрата, между Гирканией и Персидой.

Царь Ксеркс Ахеменид, известный своим неудачным походом на Элладу в 480 г. до н. э., среди народов, над которыми он властвовал, называет и «даха». Вполне вероятно, что часть этих племен, отброшенная в южное Приаралье вместе с хорасмиями, в результате ударов Киаксара, Астиага и первых Ахеменидов, попала в зону влияния персидских царей.

Этимология слова «даха» имеет несколько значений. По мнению известного российского археолога Б.А. Литвинского, этот этноним следует связать со словами «мужчина», «самец». По крайней мере, так иранское «daha» переводится с хотано-сакского языка.

В послемакедонское время греческий историк Страбон, помещает дахов к северу от Аральского моря (Южное Приуралье). Он прямо локализует их «выше Меотиды». В первой половине III в. до н. э. дахи появляются на территории Прикаспия. «Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями», - пишет Страбон. Вавилонский историк Беррос (писал около 280 г. до н. э.) в изложении более позднего автора - Евсевия, так же помещает эти племена в степях Арало-Каспийского междуморья, называя их «равнинами даев».

Данные археологии также подтверждают сообщения письменных источников. Если соединить известные дахские памятники пунктиром, то получится цепочка, начало которой будет положено в Туркмении и долине Заравшана (могильники Чарышлы и Агалыксай). Второе звено располагается в Приаралье (могильник Туз-Гыр), третье - идентичные памятники на восточном чинке Устюрта (могильники Дуана, Аджибай, Каскажел), четвертое - курганы на реке Эмба и далее на север в Южное Приуралье, где погребений с описанным обрядом раскопаны тысячи, и которые были оставлены носителями прохоровской археологической культуры IV-III вв. до н. э.

Культура ранних кочевников Южного Приуралья рассматриваемого времени названа прохоровской (по названию деревни Прохоровка в Шарлыкском районе Оренбургской области), а носителей прохоровской культуры по устоявшейся традиции

называют сарматами, что не совсем верно. По крайней мере, К.Ф. Смирнов, ведущий исследователь кочевнических древностей железного века, в своих последних работах прямо отождествил последних с дахами. Река Урал, главная водная артерия региона, по его мнению, получила свое название «Даик» (впоследствии Джайх, Яик) по имени живших здесь кочевников даев-дахов.

Материальная культура прохоровцев-дахов изучена достаточно хорошо. Основные прохоровские памятники располагаются по Уралу и Илеку. К.Ф. Смирнов, раскопав курганы в могильниках Мечет-Сай и Пятимары, пришел к выводу, что именно в Урало-Илекском междуречье располагались некрополи военно-жреческой аристократии дахов. Об этом свидетельствуют относительно большие размеры курганных насыпей, погребения взнузданных лошадей, богатый погребальный инвентарь и, конечно же, оружие. Причем оружие присутствовало не только в мужских, но и в женских могилах.

Современное языкознание свидетельствует о том, что прохоровцы входили в северо-восточную группу ираноязычных народов. Следует считать, что их язык был похож на язык соседних с ними племен - саков, согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и др. Что касается мировоззрения и религии южноуральских номадов, то, по всей вероятности, они сложились на общей подоснове вместе с вышеупомянутыми народами. Можно предположить, что религиозные и идеологические воззрения дахов основывались на элементах маздеизма-зороастризма. Другими словами, центром их космогонических представлений являлся религиозный дуализм (вечная борьба двух противоположных начал) и мощный солярный культ в различных вариантах (поклонение Солнцу-Митре, очищающему огню и т.д.). Все эти моменты находят удивительные параллели в священной книге индоариев Ригведе и сборнике арийских религиозных гимнов - Авесте.

В результате многолетних полевых работ, проведенных в южноуральских степях, стало ясно, что регион в эпоху раннего железного века был населен многочисленными кочевыми племенами, создавшими яркую, самобытную культуру. Однако в научном мире сложилось мнение, что «савроматы» и их потомки прохоровцы являлись глубоко периферийными номадами, уступая в своем развитии соседям - скифам и сакам. Это мнение

выглядело убедительно потому, что прохоровцы не имели столь внушительных гробниц и такого богатого погребального инвентаря, как причерноморские и среднеазиатские кочевники.

Открытие, которое полностью опровергло эту точку зрения, последовало в 1988 году.

Раскопки Филипповских курганов были начаты в 1986 году А.Х. Пшеничнюком в Илекском районе Оренбургской области. Памятник был выбран не случайно, поскольку курганы из которых он состоит считаются крупнейшими на Южном Урале. Достаточно сказать, что диаметры насыпей самых больших, превышают 100 м, а высота около 7 м. За пять лет работ с 1986 по 1990 гг. было исследовано 16 курганов различных размеров.

Археологические раскопки показали, что могильник функционировал непродолжительное время, в пределах IV в. до н. э. Многообразие форм могильных ям и другие элементы погребального обряда свидетельствует о том, что Филипповский некрополь служил местом захоронения аристократии союза нескольких племен. Каждое племя хоронило своего вождя по строго установленному племенному обычаю.

Проведенные раскопки позволили восстановить детали погребального обряда. Сначала рыли могильную яму - квадратную, круглую или крестообразную из которой вел коридор-дромос. Затем над могилой возводился шатер из бревен, и только потом, над ним сооружалась курганная насыпь. Причем, по наблюдениям А.Х. Пшеничнюка, саму насыпь выкладывали из деревянных блоков, размером 30-40 см. В первоначальном виде курган был, конечно, выше и круче, хотя его размеры по основанию были меньше. Захоронения совершались последовательно через коридор-дромос, который выходил наружу.

Исследование могильника показало, сколь велико было социальное расслоение общества. Об этом говорит простой пример! Курганы рядовых номадов были в среднем 8-10 м в диаметре и имели высоту 20-30 см, в то время, как размеры по основанию кургана №1 Филипповского могильника насчитывали 103-120 м, при высоте 7,11 м.

К сожалению, курганы были ограблены еще в древности. Причем грабители, проникнув в могильную камеру, расшвыривали еще не успевшие истлеть трупы. Но, несмотря на это, все же не все костяки были потревожены. В этом случае скелеты лежали

вытянуто на спине, иногда в позе «всадника» (с расставленными и согнутыми в коленях ногами), головами на юг. Их сопровождал разнообразный и весьма интересный инвентарь, представленный не замеченными грабителями отдельными золотыми, серебряными или бронзовыми украшениями, вещами культово-жреческого характера, иногда керамикой - в том числе и привозной среднеазиатской и, конечно же, вооружением.

Полученный в ходе работ материал, позволил сделать некоторые выводы. Остановимся на двух важнейших на наш взгляд аспектах - идеологии и военном деле.

Прохоровцы-дахи, захороненные в Филипповских курганах, были потомками тех ариев, которые еще в эпоху бронзы жили на Южном Урале и впоследствии в XII-XI вв. до н.э. переселились в Среднюю Азию, Иран и возможно в Индию. Поэтому их религия и идеология были близки обычаям предков - племенам срубно-андроновской общности.

Формы могил содержали в своей основе такие элементы, как круг и крест - которые издревле являлись солярными знаками, символизирующими собой солнце, в образе которого выступал бог Митра. Кстати, Митра являлся и богом огня. Поклоняясь Митре, прохоровцы часто разжигали над могилой мощный костер. Так, например, пламя, бушевавшее над курганом N12, было настолько сильным, что земля превратилась в шлак.

Нельзя не сказать и о захоронениях лошадей, обнаруженных в курганах рассматриваемого могильника. Убитых животных укладывали рядом с могилой, на древней поверхности, и только после этого над ними возводилась курганная насыпь. В этом плане любопытно сообщение греческого историка Геродота об обычае массагетов, родственных дахам не только по языку, но и по духу: «Из богов почитают только Солнце, которому они приносят в жертву коней. Смысл этого жертвоприношения таков: самому быстрому из богов они отдают самое быстрое из смертных существ». Интересно, что солярный Митра в упомянутой выше Авесте предстает в одежде осыпанной звездами, на колеснице запряженной четверкой коней. Кстати само Солнце в этой же Авесте названо «быстроконным». Эти удивительные аналогии позволяют предположить, что солярный культ занимал ведущее место в идеологии и религии приуральских дахов.

Следует упомянуть вещи так называемого культового харак-

тера, к которым традиционно относят миниатюрные костяные ложечки, иногда выполненные в зверином стиле и каменные жертвенники-алтарики.

Существует мнение, что костяные ложечки служили для смешивания красящих веществ (охры, сурьмы и др.), применяемых при различных ритуальных обрядах. Однако до сих пор ни на одной из них следов краски не обнаружено. Недавно, начинающим археологом, студентом пединститута В.К. Федоровым была высказана по этому поводу другая интересная мысль.

Дело в том, что в религии индо-иранцев очень большое значение придавалось обряду употребления сомы или хаоии, наркотического напитка. К слову следует сказать, что большинство населения степной Евразии было по существу наркоманами! По всей вероятности, различные народы имели свой рецепт изготовления сомы, но при этом цель употребления наркотика оставалась одна. Скифы, например, вопили, нанюхавшись дыма сжигаемой конопли. Так или иначе, по мнению В.К. Федорова, костяные ложечки имели прямое отношение к изготовлению (помешиванию) сомы и совершению при ее помощи соответствующего религиозного обряда.

Другой категорией вещей культового назначения считаются каменные жертвенники. Как полагают, на них сжигали какие-то вещества (может быть благовония), говорили магические заклинания и таким образом совершали религиозный обряд. Прохоровцы-дахи переносили свои религиозные представления и на оружие. Богов своих они представляли в виде животных и старались изобразить их на вещах.

К таким вещам можно отнести и железные кинжалы-акинаки. Перекрестья акинаков удивительно напоминают крылья (отсюда и название - крыловидное), а наверху - скрюченные когти. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы увидеть в кинжале стилизованное изображение хищной птицы, где клинок является клювом, рукоять - хвостом, ну а наверху соответственно когтистыми лапами.

Интересно, что в Авесте в образе орла выступает бог грома и победы Веретрагна и Фарн (Хварно) - явление божьей благодати и славы. Можно думать, что носитель акинака должен был пользоваться расположением и поддержкой грозного военного божества.

Теперь, что касается военной организацией прохоровцев. Опираясь на материалы Филипповских курганов и других, исследованных на Южном Урале, памятников, она представляется следующим образом.

Основная часть дахов была вооружена луком и стрелами. Причем, судя по материалам погребений, стрелять из лука могли практически все - от детей и женщин до стариков. Лук, имевшийся в арсенале южноуральских номадов, был одной из разновидностей лука «скифского» типа. Он имел выгнутые плечи, склеивался из нескольких сортов дерева и был очень маленьким. Длина его в боевом состоянии достигала всего 65 см. Стрелы так же соответственно были небольших размеров - 50-70 см. Форма бронзовых наконечников стрел зависела от их функционального назначения. Например, трехгранные массивные наконечники были удобны для пробивания доспехов.

Часть воинов была вооружена мечами и кинжалами. В IV в. до н. э. мечи стали достигать значительных размеров. Длина их колебалась в пределах 80-100 см. Существует мнение, что длинные мечи были изобретены специально для рубки с коня. Показателен тот факт, что, начиная с IV в. до н. э., формы мечей, кинжалов и наконечников стрел приобретают стандартный характер. Это наводит на мысль, что в прохоровском обществе происходит подобие военной реформы, которая могла состояться только при наличии сильной власти, которую приобрели вожди могущественных племен, оставившие свои некрополи в Урало-Илекском междуречье. В Филипповке было найдено несколько экземпляров очень интересных мечей и кинжалов. Часть из них была плакирована по лезвию и рукояти золотой проволокой. Перекрестье и навершие другого состояло из золотых пластин с тисненым изображением грифонов, обращенных клювами друг к другу. Лезвие и рукоять этого кинжала состояло из двух железных полос, между которыми были «вклинены» золотые фигурки грифонных головок. В этом плане можно провести еще одну историческую параллель. Дело в том, что, судя по Авесте, кинжал, а особенно кинжал, декорированный золотом, являлся символом власти. Этот факт лишний раз подтверждает очень высокий социальный статус людей погребенных в Филипповских курганах.

Пожалуй, самым главным достижением военной мысли да-

хов является появление в их арсенале железных и костяных наборных панцирей. Это говорит о том, что уже в IV в. до н. э. у дахов появляются очень серьезные противники, которых нельзя было победить при помощи одних стрел и мечей. В классическом виде погребение такого тяжеловооруженного воина было обнаружено в кургане № 10. Рядом с мужским скелетом был положен железный панцирь, состоящий из множества пластин различных типов. На груди воина находился массивный наконечник копья, на поясе короткий меч, а у бедер два колчана со стрелами. Может быть, в этих тяжеловооруженных всадниках следует видеть прообраз катафрактариев, которые впоследствии прославились своими победами над римскими легионами.

Пожалуй, самое интересное открытие во время раскопок Филипповского могильника было сделано в кургане №1. Его исследования продолжались в течении двух полевых сезонов 1987 и 1988 гг.

После снятия насыпи перед глазами археологов открылась огромная могила круглой формы диаметром 20 м. Длина коридора-дромоса, входящего в погребальную камеру, как всегда с юга, составляла 17,5 м.

К сожалению, могила подвергалась ограблению четыре раза. Следует сказать, что грабеж древних гробниц был весьма прибыльным промыслом во все времена вплоть до современности. На наш взгляд, первые ограбления курганов в Филипповке произошли лет через 30 после захоронения трупов. Например, в кургане № 20 грабители выкинули труп из могилы, потом аккуратно заложили нишу-подбой горбылями и засыпали яму. Кто были эти люди преступившие закон практически всех народов сказать трудно!

Очевидно, похоронщики учли возможность ограбления и недалеко от могилы устроили два тайника, которые были буквально забиты золотыми предметами.

Среди вещей первого тайника следует отметить великолепно сделанные из дерева и обтянутые золотом фигурки оленей. По замыслу древнего торевта, животные должны были стоять на подставках и наверно иметь какое-то сакральное значение. Высота фигур в среднем 50 см.

Остальная часть тайника была заполнена деревянной посудой, окованной золотыми пластинами. Дерево, естественно, не

сохранилось, но состояние оковок отличное. Всего в тайнике находилось более 300 подобных изделий, которые прибывались к деревянной основе мелкими золотыми гвоздиками. Почти все они выполнены в зверином стиле и отображают фауну Южного Приуралья. Среди животных первое место занимают олени, потом идут мифические грифоны, хищники кошачьей породы, двугорбые верблюды, кабаны и рыбы. Вполне вероятно, что перед нами представлен весь пантеон богов номадов Южного Урала, который представлялся им в виде зверей.

Второй тайник представлял собой такую же яму, как и первая. В нем лежали идентичные деревянные олени, золотая чаша и кувшин, два серебряных ритона, большое количество накладок и нашивок. Часть вещей является прекрасными образцами ахеменидского ювелирного искусства.

Несмотря на то, что курган № 1 Филипповского могильника и уступает по своим параметрам и пышности погребального обряда таким известным скифским курганам как Солоха, Чертомлык и др., по количеству и набору изделий из драгоценного металла, он превосходит известные скифские и сакские захоронения. Есть все основания считать, что прохоровские племена Южного Урала (дахи) находились на той же стадии социально-экономического развития, что и соседи. Кроме того, полученный материал свидетельствует, что эволюция искусства приуральских номадов шла по синкретическому пути, создавая специфические, «варварские» формы, соответственно перерабатывая в себе достижения культуры народов, входивших в состав Персидского царства, и позднее эллинистических государств Востока.

Филипповка дала мощный импульс для изучения искусства, идеологии номадов. Осмысление материала только началось, и здесь хватит работы не одному поколению археологов. А что же дахи?

В IV в. до н. э. могущественный прохоровский союз племен, сколоченный иллекскими вождями, начал активизировать свою политическую деятельность. В частности, были установлены довольно тесные контакты, очевидно военного характера с Ираном. Так, по сообщению римского историка Флавия Арриана, даи-дахи входили в состав персидской армии при царях Дарий III и Артаксерксе IV (Бессе). Любопытно, что в решающей битве

при Гавгамелах в 330 г. до н. э. сакская конница среди которых были и даи, нанесла тяжелый удар по левому флангу армии Александра, рассеяла конные части Менида и Ареты, и впоследствии разграбила македонский обоз. Если бы не трусость Дария и не отвага Александра Македонского, кто знает, как сложилась бы судьба великого эллина?

В начале III в. до н. э., согласно сообщению вавилонского историка Берроса даи появляются в степях между Аральским и Каспийским морями. Это сообщение находит подтверждение и среди археологических источников. Прохоровские комплексы фиксируются в Южной Туркмении и районах Бухаро-Самаркандского Согда. Причиной такой миграции следует считать ухудшение климатической ситуации в Приуральских степях. Кочевники Южного Урала были вынуждены разделиться на три группировки, одна из которых откочевала в Доно-Волжское междуречье, другая в район современной Уфы, третья - через Эмбу, Мангышлак и плато Устюрт на юг.

***

Аршак натянул поводья, и взлетев на спину большого кургана, оглянулся. В полете стрелы от него скакал лишь один Тиридат. Вся охота безнадежно отстала. Царь решил дожидаться брата, тем более, что тот давно хотел с ним поговорить о чем-то важном и не мог найти для этого времени. Тиридат остановил своего жеребца и отдышался.

- Ты быстро едешь!... Смотри, не успеешь оглянуться как проскочишь границу, - заметил он. Кони пошли шагом. Тиридат продолжил говорить, несмотря на брата, - Наша степь становится слишком мала для тебя. - Аршак понял, о чем тот хочет сказать и ответил.

- Это не наша степь, - и помрачнев, добавил, - могилы наших предков у Дайка.

- Это так! Однако, брат, мы живем там, где мы живем. Я моложе тебя на 25 лет и не помню склоны Рифейских гор, о которых рассказывают наши старики. Моя родина здесь.

- Если степь окажется мала, я поскачу к морю. Тому или к другому! Какая разница, - Аршак почувствовал раздражение.

- Это бесполезно. Берега одного скалисты и пустынные. Там даже не растут верблюжьих колючки. Подходы к другому стере-

гут крепости Кангхи. Ты обломаешь о них зубы.

Аршак знал, что сможет собрать 10-15 тысяч хороших бойцов, из которых не менее десяти сотен будут одеты в стальные катафракты. Не зря он заставлял своих кровных родичей покупать доспехи из маргианской стали. Те пробьют строй любой фаланги. Однако он знал и другое! Селевкиды пока сильны и конница дахов растворится в их огромной армии, как капля воды в мехе с вином. Аршак ждал момента, когда эллины ослабеют от своих бесчисленных войн, чтобы нанести по ним решающий удар.

Брат настаивал на немедленном походе, понимая его лишь грабительскую цель. Царю же нужна была земля - Парфия и Гиркания, с ее плодородными оазисами и покорным населением. Он закрывал глаза на набег мелкого отряда, идея которых всегда исходила от Тиридата, но чувствовал, что не имеет права рисковать своими основными силами.

Много раз лежа у степного костра он представлял себе осуществление своего плана и дальнейшей мечты. Первым на его пути будет Александрополь. Гарнизон его мал, стратег Патрокл, по слухам, был превосходным полководцем и никогда не выведет свой отряд в поле, но будет отбиваться из-за стен. Аршак не станет штурмовать своей конницей это укрепление. Если его золото не откроет ворота города, он задушит эллинов в кольце осады. А потом? Потом до самой Задракарты и Гекатомпила будет чистая степь. Тамошним грекам придется рассчитывать лишь на себя и полуразвалившийся акрополь. Местные парфяне и гирканцы их ненавидят...

- В этом ты прав! - слова Тиридата заставили царя отвлечься. Кажется он рассуждал вслух. Аршак не скрывал досады - в последнее время он все чаще замечал за собой этот недостаток.

- Не забудь и другое! - царь вопросительно посмотрел на брата и тот продолжал, - Один эллин рассказывал мне, что со времен Искандера по всей империи не прекращается война. Их базилевсы режут друг друга, как одичавшие собаки уже лет семьдесят. Страна пустеет, женщины не рожают воинов. - Тиридат поправил на бедре ножны акинака, - Жизнь интересная штука! Помнишь столетнего пердуна из рода Фарнака, эллина? Он говорит, что воевал с Искандером против Дариявуша. Так вот, тот собрал тысяч пятьсот идиотов, раздал им оружие, назвал войском и выставил против Искандера. Но стадо баранов никогда не

станет стаей волков! Кажется, они разбежались, едва увидев живую стену македонской пехоты. Однако наши вместе с массагетами хорошо потрепали эллинов в этом сражении... - Аршак перебил:

- Я слышал об этом! И что?

- А то, что бараны остались баранами.

- Да, но воевать придется с эллинами, а те пока еще не начали блеять.

- Согласен! Но к тому и веду. Совсем скоро они сожрут друг друга в своей ненависти, - и оставив свою насмешливость закончил, - народ ждет от тебя решения и быстрых действий. В последнее время я чаще тебя бываю в родах и кочевьях. Я знаю!

- Головорезы, с которыми ты воруеть женщин за Араксом еще не весь народ. А повесить акинак к бедру и ударить плетью коня это еще не значит стать воином! Не смей мне мутить людей. Я не посмотрю, что ты мой брат! - Аршак резко остановил коня и положив руку на рукоять длинного меча посмотрел на Тиридата...

Аршак знал того эллина! Эллина ли...? Тот гоплит из отряда Карана и Фарнуха попал в плен после жестокой битвы на Политимете. Родом из горной Македонии, он хорошо понимал толк и в пастьбе баранов, и в воинском деле. Когда живой еж македонской фаланги, как один человек, слушая флейту командира, не сбиваясь с шагу, ускорял ход, переходил на бег, и сметал тяжелыми сариссами все живое на своем пути, Птолемей чувствовал себя орлом. Однако в Согде армия Искандера встретила другого противника. Избалованные победами воины не заметили коварной засады дахов, и их вождь Спитамен избил двухтысячный отряд греков, как детей. Те кто бросил оружие и поднял руки - остались жить. Полтора десятка македонцев, афинян, платейцев, фессалийцев и других... Набросили на шеи арканы и угнали в степь...

С тех пор, уже лет семьдесят (Аршак помнил его еще ребенком) Птолемей жил у дахов. Какой он эллин? Искандер давно мертв! Антипатр в могиле! Антигон, Гефестион, Селевк, Птолемей Лаг, Лисимах!... Где они! Птолемей сейчас около ста и помнит ли он правильную эллинскую речь. Вряд ли? Птолемей уже лет шестьдесят говорит по дахски, как прирожденный кочевник, а его жена и свободные дети считают себя номадами. Что им до Эллады?

Аршак отвлекся от этих мыслей. Да, Птолемей дах! Конечно, дах! Он забыл многое, но не все. Однако те корни, которые он пустил, еще на Дайке, его дети и внуки не позволят ему думать об измене. Аршак сплюнул!... Какое там. Ему было лет двадцать, когда Птолемей взяв в руку махайру вышел на ученическом поединке против него. Сила не всегда ломит умение и ловкость. Птолемей разделался с молодым кочевником, как с ребенком. Аршак до сих пор поглаживает шрам на плече и помнит снисходительный смех македонца: «Учись владеть оружием! Меч не палка, а копье не дрын! Оружие должно быть в руках мужчины, зеркало у женщины, а все остальное в когтях злобного евнуха. Ха-ха-ха! Я тебя научу», - и добавив, - «Научу не только этому! Научу, как стать варварским базилевсом! В твоём роду есть Ахемениды? Нет?... Ерунда! У тебя военная мощь трех племен и десять сотен всадников. Видишь этот костер? Я знаю он свят для тебя, так слушай. Клянусь тебе этим огнем! Ты станешь властелином Азии...»

Было страшно и интересно слушать. Потом было утро! Голодные бараны, сухая степь! Аршак не принял его всерьез! Ближе были друзья, походы, набеги... Птолемей остался жить в роду, который приютил его! ... Но почему Аршак вспомнил его сейчас? Спустя двадцать пять лет после того ночного разговора?

Ему было 15 лет, когда дахи решили откочевать к полудню, на юг. Снежные зимы и засуха обрушивались из года в год, уничтожая стада овец. Люди голодали и не было возможности положить в могилу покойникам переднюю часть овцы, с тем чтобы исполнить древний, священный обряд. Часть кочевников отошла к подножию Рифейских гор, чтобы спасти скот в сочных травой поймах, но на всех пастбищах не хватало. Небольшие отряды отчаянных храбрецов нападали на селища лесных людей в надежде отбить их скот или набрать рабов. Однако риск был велик и как правило третья часть бойцов навсегда оставалась лежать не погребенной в дремучих лесах, у засек, или под стенами городищ.

Эти охотники и рыболовы, привыкшие стрелять белке в глаз, без труда убивали кочевников из засад, на узких лесных тропах или сбивали копьями с бревен частокола при попытке штурма. Пробраться незамеченными удавалось далеко не всегда. Оставаясь невидимыми, их следопыты контролировали каждый шаг

охотников за людьми и поднимали сигнал тревоги, когда те только переплывали реку.

Гораздо выгоднее было ходить в набеги на юг, в богатые и теплые страны. Аршак знал людей, которые служили их царям и даже воевали под началом самого Искандера в далекой Индии. Как правило, те возвращались с богатой добычей, но больше было больных и искалеченных. Да и что было толку от золотых или серебряных ритонов работы персидских мастеров? В голодной степи на них нечего было купить...

...Послышался крик команды. Аршак обернулся! На пригорке показалось десятка полтора всадников и, увидев охотников, вскачь пустились им наперерез. Начальник охраны Ширак уже действовал. Телохранители взяли царя в двойное кольцо, а полсотни бойцов поскакали навстречу. Впрочем, Аршак не беспокоился. Его воины контролировали степь на десятки парсангов. Так и есть! Свои! Царь узнал гонца по красному войлочному колпаку, его охрану и еще несколько человек в согдийской одежде. Ответив на приветствие, спросил:

- Кто эти люди?

- Согдийские купцы. У тебя с ними договор на право торговли в нашей степи.

Да, Аршак узнал их. Купцы привозили хорошие товары и охотно покупали рабов. Он не хотел им мешать и они ценили это.

- А что они делают здесь сейчас, - Он кивнул в их сторону, - до зимы далеко и торговать пока нечем.

Один из всадников на красивой нисейской кобыле подался чуть вперед, и слегка поклонившись проговорил:

- Государь! Мы неделю как выехали из Мараканды. Скакали днем и ночью. Спешили! Наша весть стоит награды.

- Продолжай!

- Согдийские эллины отказались повиноваться Антиоху!... - Евтидем поднял мятеж...,- Аршак перебил:

- Дураки! Евтидем подчиняется в первую очередь Диодоту, наместнику Бактрианы. Я посмотрю на них, когда бактрийский сатрап бросит на Мараканду свою армию! - и после паузы добавил, - зря спешили! Вместо Евтидема будет другой, а его труп сожрут собаки под городской стеной.

- Государь это не все! Диодот тоже отложился от Антиоха и

объявил себя царем. Евтидем признал его власть. Вместе с ними восстала вся Арейя и Маргиана. В Селевкии об этом уже наверняка знают и собирают войска. Вряд ли ты сможешь остаться в стороне от этих событий.

Аршак чувствовал, что согдиец прав и это вызвало досаду. Росло беспокойство. Он от злости стеганул коня, рванув его губы жесткими псалиями проскакал несколько шагов. Сквозь зубы бросил: «В ставку!», - а потом, поймав взгляд Ширака, добавил, - «Побеспокойся о них», - кивнув в сторону беспечных как ему казалось согдов.

***

Жесткая степь! Упадешь с коня - переломаешь ребра. Впрочем кому как! Падать надо умеючи! Мать-земля и добрая Анахита сберегут твои кости.

Запах сыроватой полыни на закате дня, и веселый огонь под бронзовым котлом на дальнем и тихом кочевье. Крик ночной птицы, прерывающий красивый сон и механический поиск любимой рукояти друга-акинака.

Тысячи копыт мельчат желтую глину и делают из нее удушливую пыль. От топота лошадиных ног гудит земля, стада диких тарпанов и сайгаков бросаются в сторону!... Воля!...Свобода!...-Сила!...

Враг?... Привычный натяг тугой тетивы... Крутой изгиб короткого лука... Скачущая навстречу живая цель на кончике медного наконечника... Выдох... Удар жесткого сухожилия тетивы по запястью! ... Свист стрелы! Стремительный полет звездочки белого оперенья... Тупой звук!... Труп!... Глухой стук безжизненного тела о землю... Вздернутые ноги... Отлетающая душа и не погребенная плоть... Пусть о тебе теперь заботятся облезлые, голодные шакалы и злобный Ахриман! На этот раз ты оказался слабее. Степь останется для живых, а верные друзья и потомки пропоют о тебе песню славы, на шумном пиру, выпив смесь кислого кобыльего молока и благородной хаомы!

Аршак едва улыбнулся уголком рта! Все это хорошо в песнях, где реальность чересчур приукрашена фантазией рассказчика. А в жизни?... Война?...

Война! Он как никто другой знал войну. Рано лишившись отца, ему впервые пришлось пролить чужую кровь в 15 лет, когда

дахи сцепились с савроматами из-за пастбищ на правом берегу Дайка. Отец погиб в походе на Кангху. Он был превосходным воином! Однако во время штурма глинобитной крепости местного князя не успел во время дернуть повод коня. Обожженный на огне глиняный шар величиной с кулак, пущенный из крепостной катапульты, расколол его голову как орех, обрызгав мозгами весь десяток. Что толку от того, что обозленные недельной осадой дахи все-таки взяли замок штурмом и перерезали оставшихся защитников как баранов, от уха до уха - простым ножом, поставив их на колени. Плачь детей и женщин навсегда застрял в его ушах. Зачем и для чего? Их всех продали на невольничьем рынке под Маракандой, выручив две кирасы и повозку с тремя десятками сделанных на круге кувшинов, половина которых разбилась на пути к Дайку. Война?...

Он помнил и другую войну!... Возвращаясь из удачного похода на массагетов, с хорошей добычей, он совсем не подозревал, что кровные родичи не сумеют порадоваться полутора тысячам баранам, пригнанным с самого Устюрта. Три полубогоревшие юрты, труп обезглавленной матери, тела дядьев и родственников, запах смерти и опрокинутый котел...

Все что осталось после набега небольшой шайки грабителей из глубины степи, края и конца которой он не знал, как и не знал имени того племени, которое сделало зло. Обычное зло! Рождаемое засухой и глубоким зимним снегом. Он навсегда запомнил ласковое лицо матери и ее морщины при свете теплого костра. Никогда не сможет себе простить того, что ее голова будет служить украшением седла безымянного кочевника...

Тогда, из шока и скорби вывел лишь детский плачь... Рванув от себя обгоревшую кошму, он увидел трехлетнее тельце родного брата и услышал его сбившийся рассказ. Мать, ударив чужого воина копьем, побежала в сторону, уводя другого, от младшего сына, чтобы через несколько мгновений упасть под его мечом...

Слезы маленького брата, его доверчивый беспокойный сон в походной юрте и смущенно-виноватые глаза оставшихся в живых родичей. Не уберегли!... Война!!!... Тиридат давно зыбыл об этом. Детская память хранит лишь сказки про дивов и грифонов...

Тиридат!...Сейчас Тиридат воин... Воин! Аршак выругался в душе. Как брат не может понять его мысли?

Вот и все дорогой читатель! Может быть так, а может и нет развивались события того кровавого времени! Быть может Патрокл принял осаду и погиб смертью воина, а может быть Аршак со своими панцирными сотнями обошел ненужную крепостцу...! Впрочем нет! Археологи фиксируют слой сажи и пепла в Александрополе именно того времени... Значит город пал!

Полибий и Помпей Трог говорят, что одновременно с мятежом Диодота в Бактрии, дахи рванули всей воинской силой в Парфию и Гирканию. Ничто не смогло устоять на их пути. Потом были великие цари и Великое царство, во главе которых стояла степная, варварская династия - Аршакидов.

Это было смутное и смелое время! Время потрясений и большой крови! История Греко-Бактрии и ранней Парфии более или менее ясна! Хочется сказать другое.

Герои рассказа полуполюгендарные люди. Хотелось бы, чтобы они стали реальными героями... А если читатель в это поверит, значит так оно и есть. Значит при желании, каждый сможет найти медный обол с именем Патрокла, и серебряные драхмы Аршака и Диодота I в стальных македонских шлемах на одной стороне, братьями Доскурами и алтарями вечного, доброго огня на другой.

Примечания

1 Понт Эвксинский - Черное море.	рийское царство и явился родоначальником династии Селевкидов.
2 Парфия - историческая область на юге Туркмении и Иране.	9 Евтидем - как предполагается, наместник Согдианы. Впоследствии Евтидем сверг Диодота II и стал царем Греко-Бактрии.
3 Александрополь - один из форпостов греческой колонизации в Парфии. Его существование подтверждено археологически.	10 Селевкия - город недалеко от Вавилона. Одна из столиц Сирийского царства.
4 Ила (эскадрон) - войсковая греческая единица в 60-100 всадников.	11 Согдиана - историческая область по р. Зеравшан в Среднеазиатском междуречье со столицей в г. Мараканда.
5 Аракс - здесь Каспийское русло Аму-Дарьи (Узбой), естественная граница Селевкидского государства.	12 Мараканда - г. Самарканд.
6 Диодот - сатрап-наместник Бактрии. В 248 г. до н. э. поднял восстание против Антиоха и объявил себя царем.	13 Антиох Сотер (Спаситель) 280-260 гг. до н. э. - второй царь из династии Селевкидов.
7 Бактриана - историческая область в Таджикистане и Афганистане.	14 Птолемей - царь Египта.
8 Селевк - полководец Александра Македонского. В 312 г. основал Си-	15 Тиридат - брат Аршака. Второй

парфянский царь под именем Аршака II.

16 Ахемениды - царская династия в Иране в VI-IV вв. до н.э.

17 Арсак, Аршак - первый парфянский царь (середина III в. до н. э.). Основатель династии Аршакидов.

18 Демодам - полководец первых Селевкидов. Около 300 г. до н.э. предпринял поход за Сыр-Дарью.

19 Танаис, Яксарт - древнее название Сыр-Дарьи

20 Ипс - местечко в Малой Азии, где в 301 г. до н. э. произошло решающее сражение между диадохами (полководцами) Александра Македонского за окончательный раздел его наследства.

21 таксис - ?

22 Арбелы - местечко на верхнем Евфрате, где в 331 г. до н.э. произошло решающее сражение между Александром Македонским и Дарием III. Кочевые дахи и массагеты принимали в нем

участие на стороне Дария.

23 Маргиана - историческая область в Туркмении и Иране в бассейне реки Мургаб.

24 пелтасты - греческая средняя пехота.

25 стадий - греческая мера длины 180 м.

26 Меотида - здесь Аральское море.

27 Гирканское море - Каспийское море.

28 Рифы, Рифейские горы - Урал.

29 сарисса - тяжелое македонское копье с длинным древком.

30 махайра - греческий кавалерийский меч.

31 гекатомбеон - месяц, июль-август.

Кангха (Кангюй) - по мнению некоторых древнее название Хорезма, исторической области в низовьях Окса (Аму-Дарьи).

Искры памяти

Воспоминания о А.И.Дутове

Когда Дутов покинул Оренбург, то враждебная масса из низших слоев общества города кинулась грабить имущество дутовых на Атаманском переулке. Там была комендатура, конный двор и большой новый-новый дом, который строился во вкусе дворянской усадьбы. Классовая вражда взяла верх. Хорошо помню как мама, (Степанова Нина Васильевна, 1904 г/р), рассказывала о тете Вари Медведевой, жившей за три дома от дутовых. Она прибежала последней, уже все растащили - мебель, утварь и т.д. Она увидела на потолке люстру. Хоть это взять. Люстра оказалась тяжелой. Она ее волокла по земле, поднимая пыль выше крыш домов.

На растащивку власть смотрела сквозь пальцы. Потом стали ломать дом и тащить кирпич, николаевский пяточный.. Остался целым конный двор с домом, конюшнями, сеновалом. И другими постройками. Комендатуру тоже разрушили. Она соединяла постройки конского двора с большим барским домом.

Е.М.СТЕПАНОВА, первый президент Центра культуры казаков Оренбуржья «Форштадт»

Огнестрельное оружие азиатских противников южноуральских казаков

В ряде трудов, опубликованных в последние годы, рассматривается вооружение южноуральских казаков [1.с. 11, 172. 2.с.94,120]. Оружие их противников – киргиз-кайсаков и воинов среднеазиатских ханств освещено слабее. Недооценка боевых возможностей противоборствующей стороны умаляет усилия защитников Оренбургской пограничной линии.

Важным свидетельством по вопросу является упоминание П.И. Рычкова о наличии огнестрельного оружия у киргиз-кайсаков всех трех орд: «Ружье имеют они огненное с фитилями, и порох почти каждой из них сам про себя делает» [3.с.72]. Подтверждением широкого распространения фитильных ружей в регионе являются упоминания о них в героических эпосах казахов и киргизов.¹ В первой четверти XVIII столетия башкиры также располагали огнестрель-

*А. Д. Кокшаров,
действительный член русского
географического общества,
научный сотрудник института
истории южного Урала и
казачества России*

ным оружием [4.с.498]. Что касается среднеазиатских государств, Бухары в частности, с войсками которых российские вооруженные силы вошли в непосредственное соприкосно-

вение значительно позже, то о наличии фитильного оружия Флорио Беневени сообщал в 1726 г. следующее: «... токмо стреляют с земли с наклонкою, чего ради у каждого ружья фитильного имеются при вершине сопки рогаые» [5.с.125] Сведений о применении фитильного оружия, о его бытовании дошло немного. Не все схватки в XVIII и начале XIX вв. фиксировались на бумаге. В тех случаях, когда военные столкновения документировались, не всегда были отражены интересующие в данном случае особенности вооружения. Проблема усугубляется утратой большого количества дореволюционных документов, на что указывает В.С. Кобзов [5.с.7,8]. Таким образом, каждое из имеющихся свидетельств по вопросу вооружения ценно. В тех случаях, когда автор описания боевых действий не выражает удивления применением противником фитильных ружей, их использование является обычным. Священник Будрин, участник миссии Негри в 1820 г., отмечает, что кроме сабель, копий и луков со стрелами у бухарских воинов имеются «ружья без замков», но мало у кого из воинов имеется весь комплекс вооружения [7.с.41] В

1826 г. произошла перестрелка между 140 казаками и башкирами, пытавшимися вернуть пленных, и киргиз-кайсаками, пленных уведшими. «Киргизцы» характеризуются как «хорошо вооруженные и большинство в панцирях (кольчугах) и с длинными ружьями, из которых они стреляли с лошади и из-за хворостяных катов (мантелетов).» За 7 часов было убито 6 киргизцев и много ранено. Среди казаков ранено 9 человек. [8.с.19,20] П.И. Демезон в 1834 г. сообщает о бухарских войсках следующее: обладатели фитильных ружей именуются туфангчи (мушкетеры) и батыры (богатыри); при приближении противника многие нанимают оруженосцев; навыки стрельбы из лука утрачены; у туркменов больше лошадей, но меньше ружей, чем у узбеков [9.с.72] В 1836 г. И.В. Виткевич отметил, что у 180 хивинских воинов, виденных им, было не более 18 самопалов. [9.с.92] Во время неудавшегося зимнего похода в Хиву в 1839 г. участники столкнулись с хивинцами, вооруженными фитильными ружьями, стрелявшими с подставок, из которых, однако, попадали иногда довольно далеко и метко [10.с.54]. В другом случае хивинские ружья на-

зывают «длинными карабинами» [10.с.65], при этом подчеркивается, что большая часть хивинских воинов вооружена холодным оружием, и лишь у немногих ружья. Описан также эпизод с ночной стрельбой из фитильных ружей с дистанции 100 шагов. Четверо хивинцев произвели четыре выстрела по казакам и солдатам, освещенным костром. Один казак убит, двое тяжело ранены. Туркменские стрелки были перебиты холодным оружием [10.с.70] В 1841 г. Оренбургский край посетил ставший впоследствии известным писателем и поэтом А.К. Толстой [11.с.74] Алексей Константинович стрелял вместе с казаками для забавы «в цель из длинных винтовок с крошечным калибром и с присошкой о двух остриях, приделанных к ложу». Этот эпизод в дальнейшем включен писателем в очерк «Два дня в киргизской степи» [12.с.111] Весьма вероятно, что казаки стреляли перед домом станичного атамана из фитильных винтовок, доставшихся им в качестве трофеев. В кокандской крепости Кош-Курган на р. Сырдарье в 1850 г. после штурма найдено 5 ружей, причем начальник укрепления взят в плен на барбете с заряженным ружьем в

руках [13.с.270, 271]. И.Ф. Бла-рамберг, описывая попытку недостаточными силами взять Ак-Мечеть в 1852 г., указывает на активное действие кокандских стрелков [14.с.305]. В укреплении Чим-Курган после штурма обнаружено 50 ружей [13.с.416] И.Ф. Бларамберг отмечает, что в этом укреплении большая часть ружей была «с фитилями вместо замков, а внутри башни мы обнаружили еще совсем недавно собранное приспособление для литья пуль» [14.с.312] Впрочем, по воспоминаниям И.Ф. Бларамберга, ружей в Чим-Кургане было взято не 50, а 10. В описании взятия крепости Ак-Мечеть упоминается большое количество «винтовочных азиатских ружей, устанавливаемых на подставках» [13.с.554]. В числе военной добычи фигурируют «66 крепостных ружей, большей частью поломанных самими кокандцами после штурма» [13.с.556]. В крепости Джулек найдено 20 крепостных ружей [13.с.557]. О судьбе части трофеев, взятых в Ак-Мечети и Джулеке, писал М.Л. Юдин, что осенью 1853 г. они были сданы в Оренбургский окружной артиллерийский арсенал. По высочайшему повелению часть предметов была упакована в 5 тюков и в

том же году отправлена в С.Петербург, где трофеи сданы в Зимний дворец. В одном из тюков находились разного рода ружья [15.с.31, 32, 33]. Среди них фигурируют фитильные крепостные ружья с 8-ю нарезами в канале ствола, а также гладкоствольное крепостное ружье.² В описании неудачно-

тельства позволяют сделать несколько выводов. В первой половине XVIII – XIX вв. фитильное оружие имело широкое распространение среди киргиз-кайсаков и в среднеазиатских государствах. Оружие предназначалось для стрельбы с упора, хотя в отдельных случаях выстрелы

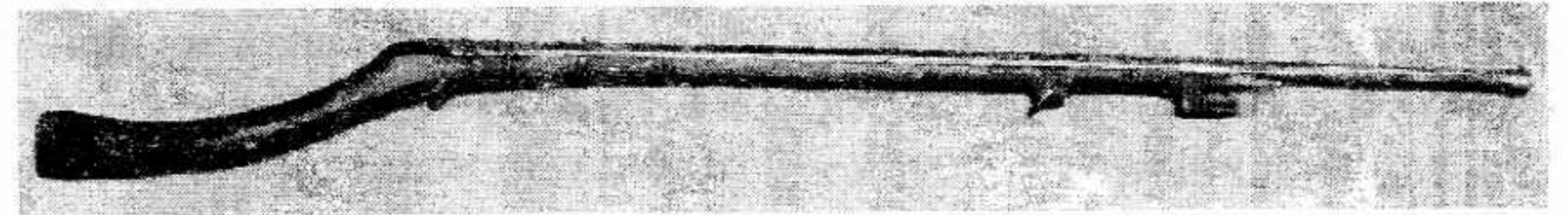

Рис. 1. Фитильные азиатские ружья конца XVIII первой половины XIX века.

го похода кокандцев к форту Перовский 1854 г. отмечено, что артиллерия нападавших действовала менее эффективно «чем засевшие в оврагах стрелки их, по которым наши орудия не могли действовать успешно». Стрельба кокандцев на одном из этапов сражения характеризуется как «сильнейший ружейный огонь» [16.с.29]. Из рапорта сотника Чернева наказному атаману следует, что напавшие на султана-правителя Араслана Джантюрина в 1855 г. враждебные киргизы численностью до 1000 человек в числе другого оружия имели винтовки, - «за-легли в ложбины и ямы и от-туда стреляли по отряду из винтовок» [16.с.176].

Приведенные выше свиде-

производились с коня. Стрельба из фитильного ружья с коня во время движения кажется маловероятной - во всяком случае, прицельная. Однако, Н.А. Северцов русский зоограф и путешественник, описывает эпизод преследования медведя охотником кара-киргизом верхом, с фитильной винтовкой. Было произведено два метких выстрела с коня, а третьим, спешившись, стрелок добил зверя. Этот же охотник убивал из фитильной винтовки на скаку лисицу одним выстрелом. Подчеркивая сложность задачи, Н.А. Северцов говорит о необходимости перед каждым выстрелом добывать огня кремнем и огнивом и «затем вправить зажженный фитиль в курок так, чтобы он

попадал при спуске курка на полку с порохом...» [17.с.197]. Впрочем, на странице 247 путешественник уточняет, что винтовка охотника была короткая. Разумеется, не всякий владелец фитильного ружья имел подобные навыки, однако сама возможность впечатляет. Длинноствольные фитильные винтовки с успехом использовались для стрельбы из укреплений и в поле, из естественных укрытий. Вооружение фитильными ружьями не было поголовным как по причинам экономического характера, так и ввиду сложности использования в момент скоротечной кавалерийской схватки, когда требуется сочетать действия холодным и огнестрельным оружием. Видимо по этой же причине фитильные винтовки не получили распространения среди казаков, без сомнения, захватывавших их в качестве трофеев. В тех случаях, когда в документах говорится о «крепостных ружьях» кокандцев, нет полной ясности: либо это ружья большего, чем обычно, калибра, либо наименование «крепостные» им присваивали в связи с габаритами и дальностью. Видимо, применялись крупнокалиберные ружья и ружья меньших калиб-

ров. Фитильное оружие, имевшееся в руках киргиз-кайсаков, можно разделить на три группы. К первой следует отнести гладкоствольные мултуки, описанные Ч.Ч. Валихановым. В качестве изготовителей он называет киргизов, калмыков и башкир. На прилагаемом к статье «Вооружение киргиз в древние времена» рисунке П.М. Кошарова изображено типичное азиатское фитильное ружье с пружинным замком, кожаным карманом для фитиля на прикладе и сошкой средних размеров, имеющей небольшой выгиб вперед. [18.с.38,39]. Такого рода компоновка оружия встречалась от Сибири [19.с.55], до Китая, Монголии, Тибета [19.с.52]. Незначительные отличия заметны лишь в большем или меньшем отклонении приклада вниз от оси ствола и разницы в расстоянии от утолщения цевья для крепления подставки до дульного среза. Такого рода сходство оружия можно объяснить целесообразностью конструкции. В.Г. Богораз зафиксировал сходное ружье с сошкой на Чукотке [20.с.95]. Это является подтверждением близости конструкции к совершенству — в дорекламный период столь широкое распространение получали лишь

наиболее удобные и практичные из утилитарных предметов. Впрочем, ружье с Чукотки несколько более позднее — оно укомплектовано кремневым замком. В качестве конструктивных особенностей Ч.Ч. Валиханов упоминает подставку из сайгачьих рогов и медную мушку. Она облегчала стрельбу при слабой освещенности, а наличие полосы (границы) на верхней образующей ствола сокращало время прицеливания. Это гладкоствольное оружие чаще всего имело дальность стрельбы несколько меньшую, чем строевое гладкоствольное оружие Российской армии, и вряд ли превосходившую 200 шагов (142 м). Другой разновидностью ружей были винтовки с длиной ствола, аналогичной тем, которые были у казаков, дальностью стрельбы 100-120 сажен (200-240 м). Подобное оружие было у кара-киргизского охотника, упомянутого Н.А. Северцовым. По компоновке и основным деталям оно не отличалось от вышеупомянутых гладкоствольных ружей. Использовались также и винтовки полностью аналогичные винтовкам казаков («сибирки»), т.е. снабженные кремневыми замками. Третья группа фитильных ружей названа

Ч.Ч. Валихановым среднеазиатскими шамгалами. Они характеризуются как длинные и тяжелые. Ценность этих винтовок подчеркивается тем, что они имелись лишь у «некоторых султанов» [18.с.39]. Это оружие отличалось дальностью. К какому типу оружия относятся шамгалы (шамхалы) ответить точно затруднительно — в конце 30-х годов XIX в. они упоминаются как крепостные ружья³. В данном случае речь может идти как о терминологических разночтениях, так и об использовании одного и того же оружия для обороны крепости и в полевой бою. Ценные сведения, собранные Ч.Ч. Валихановым, относятся к киргиз-кайсакам Старшей орды. В соприкосновение с защитниками Оренбургской пограничной линии входили в первую очередь представители Младшей орды [21.с.17], однако различие в вооружении степных всадников вряд ли было велико и выразилось скорее всего в пропорциях между различными типами огнестрельного оружия, что обусловлено географически. Интересная информация, основанная на наблюдениях, сделанных в 30-е г. XIX столетия, содержится в произведениях В. И. Даля. Так в повести «Би-

кей и Мауляна» упоминается о том, что, отправляясь на баранту, киргиз-кайсаки не берут с собой огнестрельного оружия, во избежание лишних жертв, которые повлекут за собой материальные возмещения, и для того, «чтобы не обременять себя попусту» [22.с.119]. Таким образом, ружья у киргиз-кайсаков в большей степени предназначались для военных действий, а баранта была своего рода хозяйственным, привычным мероприятием. Кроме того, В.И. Даль отмечает, что в Малой орде одно из подразделений родов (джак) носит название «Крк-мултук – сорок ружей». [23.с.152], что характеризует как степень распространения, так и значение, придаваемое киргиз-кайсаками ружьям. Вообще, в казахских преданиях, есть легендарный изобретатель дальнобойного фитильного ружья и стрелок Корун (Корум), Корам – прославленное дальнобойное ружье султана Андана [24.с.219], что объясняется относительной молодостью этого народа, создававшего свои предания в период бытования огнестрельного оружия. Возвращаясь непосредственно к ружьям, отметим, что наибольший интерес для нас представляют

длинноствольные фитильные нарезные ружья, так как большая длина ствола предполагает лучшие баллистические характеристики. Последние обуславливают большую опасность для противника. Кроме того, ружья в киргизской степи имели двойное назначение – они являлись не только боевым, но и охотничьим оружием. В отличие от лесистых местностей, где видимость ограничена и для охотника и для объекта охоты, на степных территориях потенциальная добыча замечает охотника на большом удалении. Исходя из особенностей региона, можно прийти к выводу, что в качестве охотничьего оружия для обширных открытых пространств предпочтительны были длинноствольные нарезные ружья. Такого рода оружие есть возможность рассмотреть на примере подлинных предметов.

В Оренбургском областном краеведческом музее имеется пять фитильных ружей разной степени сохранности и один ствол.

Первое из ружей имеет общую длину 1690 мм. Длина ствола 1150 мм. Калибр по полям 9,2, по нарезам 10,5 мм. Нарезов шесть. В казенной и дульной частях ствол имеет

уширения – наружный диаметр 30 мм, в средней части – 21,7 мм. Казенная и дульная части ствола опилены на восемь граней, слева к казенной части припаяна полка в виде металлической планки, расширяющейся против затравочного отверстия. Углубление полки для пороха имеет

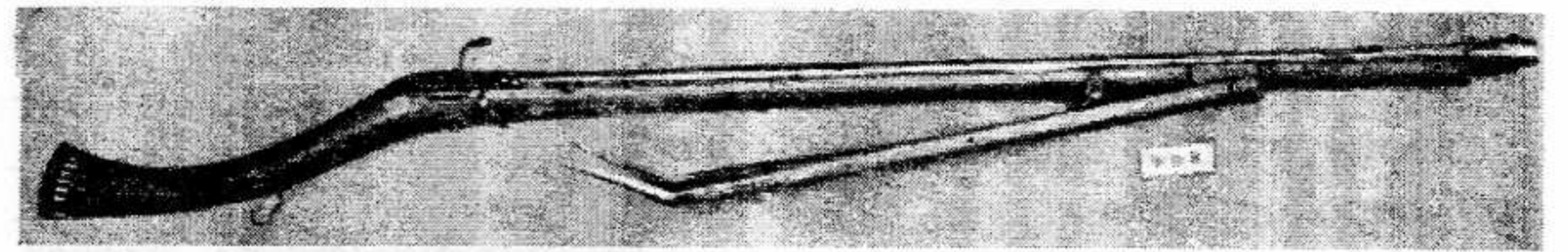

Рис.2. Фитильное азиатское нарезное ружье (14.4 мм).

форму сегмента шара. Средняя часть ствола, выступающая над ствольным желобом, оформлена в виде двух выпуклых граней, сходящихся гребнем на верхней образующей ствола. Последний, способствовал прицеливанию в условиях слабой видимости. Ствол декорирован пятью врезанными вровень с поверхностью поперечными латунными полосками (одна из них на хвостовике казенника). Целик в виде гривки, задний конец которой отогнут вверх, врезан основанием в паз «ласточкин хвост», имеет декоративный элемент в виде стрелки, лежащей на верхней образующей ствола и направленной в сторону дульного среза. Ножевидная мушка

на основании закреплена в дульной части аналогично заднему визиру; декоративная стрелка направлена в сторону казны. Ложа почти во всю длину ствола, покрыта светлым лаком. Приклад ружья несколько напоминает приклад в форме Синд (Синд – территория нынешнего Пакистана)

фитильного мушкета езаил [25.с.117]. Однако, верхняя часть затыльника за счет меньшей ширины приклада поднята заметно меньше, а шейка толще и менее выражена, чем у мушкета езаил. Ствол крепился к ложе при помощи винта, вворачивавшегося снизу в резьбовое отверстие хвостовика казенника (винт утрачен), и трех подмоток из очень тонких сыромятных ремешков шириной около 1,7 мм, концы которых при помощи узелков закреплялись в специальных отверстиях цевья. Длина сошки 755 мм. Сошка деревянная, имеет по концам два несколько отогнутых назад железных острия, крепящихся к дереву при помощи заклепок

и охвата концов сошки двумя пожилинами. Сошка с окованными железом древками не единственный известный вариант⁴. Два древка сошки, соединенные двумя фигурными железными перемычками, крепятся к цевью при помощи винта, служащего осью для поворота, и двух фигурных гаек. Винт проходит сквозь отверстие в специальном прямоугольном утолщении цевья. Устройство для воспламенения пороха не имеет замочной доски, и в ряде свидетельств оружие характеризуется как не имеющее замка. Однако, функции замка этот узел конструкции выполняет и его удобнее называть замком.

Замок состоит из одной стальной детали и одной железной. Это стальной рычаг, один конец которого, выходя из специального гнезда ложи вблизи полки, имеет прорезь для крепления фитиля и является самым простым зажимом пинцетного типа, удерживающим фитиль за счет упругости губок [26. с.39]; другой конец играет роль спуска и выходит за габариты ложи значительно ближе к затыльнику приклада, чем у европейского оружия. Пружина, удерживающая курок с фитилем в крайнем заднем положении, то

есть отводящая его от полки, изготовлена из одного с курком и спуском куска стали. Замок действует поворотом рычага вокруг оси, которая представляет собой железный гвоздь с прямоугольной шляпкой, забитый при сборке замка раз и навсегда и не предназначенный для извлечения. Оси спусков европейского оружия XVIII в. чаще всего так же крепились в дереве, но являлись штифтами, легко извлекавшимися. Прибор состоит из двух кованых фигурных антабок, передняя из них крепится на оси в специальном каплевидном утолщении цевья, находящемся позади утолщения для сошки, двух гвоздей в затыльнике приклада с выпуклыми шляпками и железного конуса, с раструбом, направленным назад и предназначенным для тушения фитиля при зарядании, крепившегося справа к ложе, позади курка. В настоящее время конус утрачен. Под стволом в цевье имеется шомпольная дорожка (жёлоб для хранения шомпола) Шомпол отсутствует.

Второе ружье так же сохранилось довольно полно. Длина общая – 1640 мм. Длина ствола 1110 мм, калибр 9,1 мм, нарезов 6. В казенной и дульной частях ствол опилен на восемь

граней. Наружный диаметр в казне 31 мм, в дульной части 32 мм, в средней – 22,5 мм. Полка припаяна. Ствол декорирован врезанными вровень с поверхностью серебряными полосками («поясками»). Поверхность поясков черного цвета – видимо, в ходе изготовления была подвергнута сульфированию [27.с.289]. Прицельные

Рис. 3.1
Знатный киргиз-кайсак
с фитильным ружьем

приспособления аналогичны первому ружью, но задний визир отсутствует. С целью предотвращения боевого применения в верхней образующей ствола просверлено три отверстия, в нижней – одно. Ствол крепится при помощи винта, проходящего снизу сквозь ложу и ввинчивающегося в резьбовое отверстие хвостовика казенника и утраченных в настоящее время кожаных тонких ремней. Головка винта в виде слегка вытянутого шара с широким и глубоким шлицом – винт мог вывинчиваться и завинчиваться при помощи тыльной стороны небольшого ножа. Ложа декорирована вставками из более темного дерева и костяными треугольниками вокруг курка и казенника, поясом вытянутых равнобедренных треугольников из белой кости с кружком и черной точкой в нём и черных из буйволового рога вдоль затыльника приклада (имеются утраты). Утолщение цевья для крепления сошки декорировано снизу костяной вставкой с концентрическими кругами. Сошка длиной 740 мм – конструктивно аналогична описанной выше. Прибор состоит из двух антабок, конуса для тушения фитиля, кольца для продергивания фитиля,

двух кованых гвоздей с коническими шляпками, крепящих затыльник приклада (головка одного гвоздя утрачена.) Кольцо, сквозь которое пропускался фитиль, крепится справа ниже полки в отверстии массивной головки специального гвоздя. Этим же гвоздем закреплена декоративная выпуклая накладка из листового металла.

Третье фитильное ружье имеет длину общую 1690 мм. Длина ствола 1114 мм, калибр 9 мм, нарезов 6. Сошка отсутствует. Имеются повреждения и утраты.

Четвертое ружье имеет общую длину 1630 мм. Длина ствола 1110 мм, калибр 9 мм, нарезов 6. Прицельные приспособления сходны с описанием выше, но упрощенные — не имеют пальметтообразных стрелок. Сошка отсутствует. Имеются повреждения и утраты.

Хранящийся в музее ствол фитильного ружья имеет длину 1150 мм. Калибр — 8,2 мм, 6 полукруглых нарезов. В дульной и казенной частях опилен на восемь граней. Диаметр в дульной части 29,3 мм, в казенной 28,8 мм, в средней 21,2 мм. В дульной и казенной частях, в местах перехода к круглой поверхности, методом оброна образованы декоративные элементы, со-

Рис. 3.2 Кокандский воин. Ак-Мечеть, 1853 г.

единенные выпуклым узким ребром шириной 1,7 мм. Мушка и задний визир прицела закреплены в пазах «ласточкин хвост», фигурная стрелка заднего визира располагается вдоль ствола и имеет длину около 40 мм. В дульной части в верхних гранях врезана широкая (5,8 мм) латунная полоса. На расстоянии 170 мм от дульного среза — одна широкая и две узкие. На расстоянии 123 мм от казны врезаны одна узкая и две широких латунных полоски. На расстоянии 383 мм от казны — две узкие и одна широкая полоска.

Последнее из фитильных ружей отличается от рассмотренных выше. Практически от этого оружия в его первоначальном виде остался лишь ствол. Нынешняя ложа сохранилась плохо, большой фрагмент и детали прибора отсутствуют. Вполне возможно,

представляет собой половину разрезанной по оси симметрии пальметты, в наиболее широкой части, которой находится углубление для затравочного пороха в форме сегмента шара. Хвостовик казенника короче аналогичных деталей рассмотренных выше стволов

Рис. 3.3 Кокандские воины. Ак-Мечеть, 1853 г.

что первоначальный вариант ложи соответствовал богатством отделки стволу, но по пришествии в негодность заменен новой ложей, совсем простой, так же сильно разрушенной к настоящему времени. Общая длина оружия 1600 мм. Длина ствола 1135 мм. Калибр 14,4 мм. Нарезов 8. Полка, при взгляде на нее сверху

и не имеет отверстия для винта, крепящего казенную часть ствола к ложе. Задний визир прицельного приспособления сходен с описанными выше, но не имеет декоративной стрелки. Мушка железная, пеньковая. Для украшения этого ствола использованы две техники. Методом обронного гравирования получены рельефные

картуши и пальметты [28.с.90]. После чего методом набивной (поверхностной) таушировки создан узор золотом – острым зубильцем в нужных местах наносится сплошная сетка мелких штрихов, так, чтобы на краях штрихов образовались острые заусенцы, после чего

ток заканчивается картушем с пальметтой. Хвостовик казенника, грани ствола, картуш, пальметта сплошь покрыты мелким растительным орнаментом, таушированным золотом. С целью предотвращения боевого применения позади заднего визира прицельного

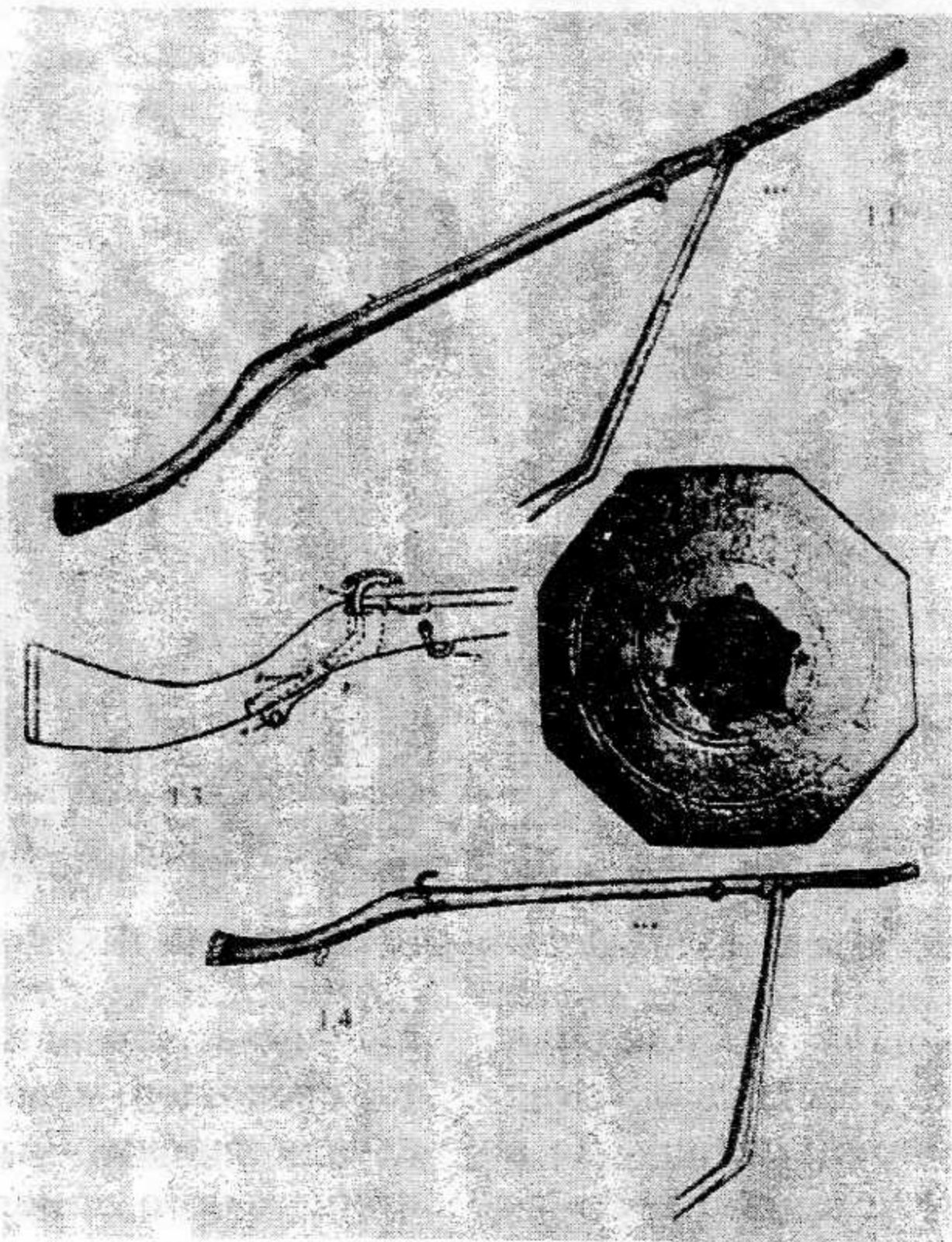

Рис.1

элементы орнамента из золота вколачиваются в поверхность [29.с.368]. В казенной части ствол опилен на 8 не очень четких граней. Данный учас-

приспособления и в большом картуше, которым украшена казенная часть, по орнаменту просверлено три отверстия диаметром 5 мм. Далее мето-

дом оброна выполнен узкий гребень на верхней образующей ствола, несколько меньший, чем первый рельефный картуш с пальметтами по концам – тауширован золотом аналогично описанному выше. Далее в сторону дульного среза – гребень, пальметта, картуш, выпуклый пояс перед дульным уширением ствола,

золотом. Расположение картушей и пальметт говорит о возможности крепления ствола к ложе в первоначальном варианте при помощи 4-5 фигурных металлических ложевых колец (обоймиц). История предметов до поступления в музей неизвестна. В музейном архиве хранятся старые инвентарные книги. В книге №1

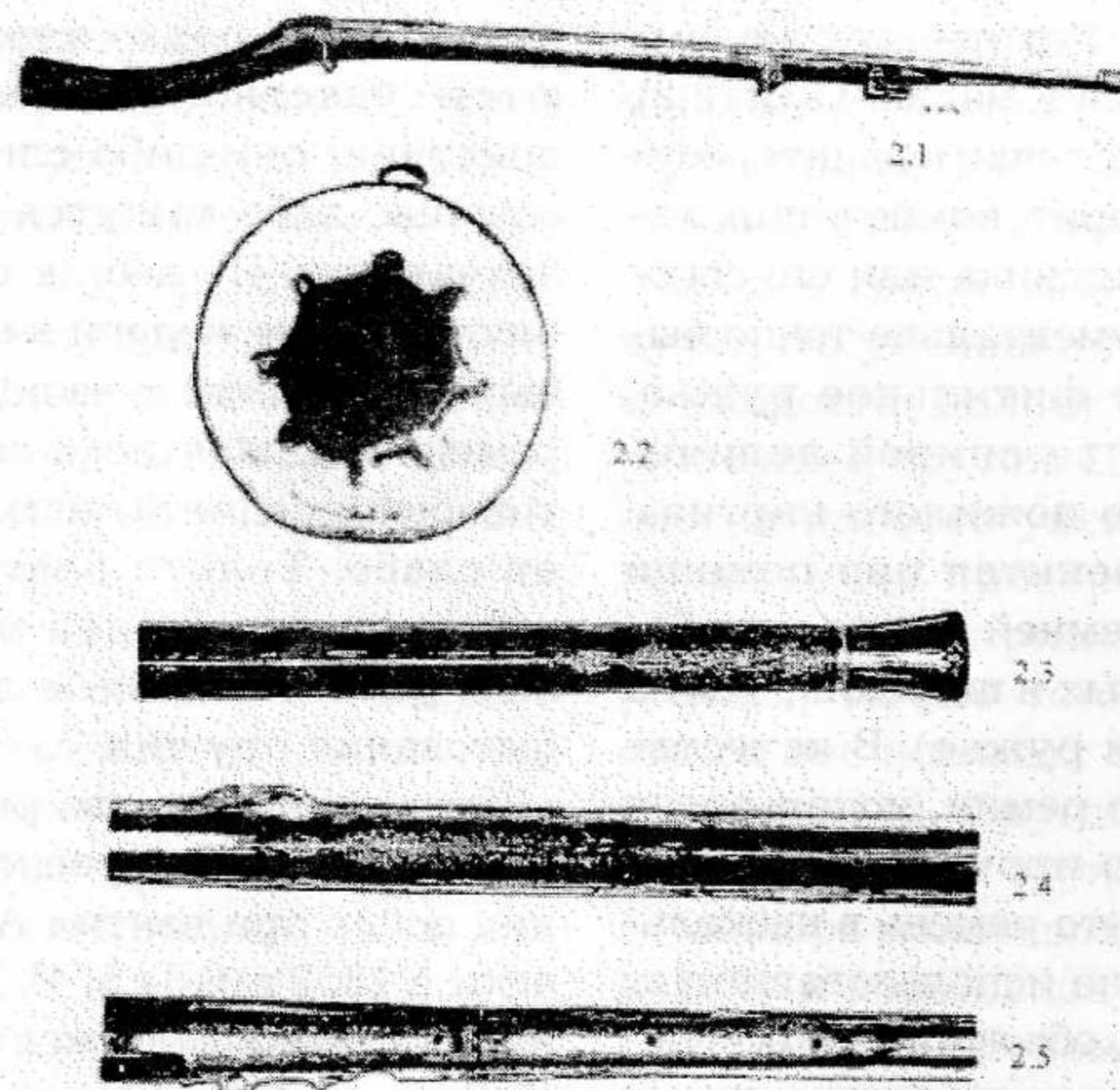

Рис.2

дульное уширение, декорированное элементами, напоминающими лепестки распускающегося цветка. Все эти участки поверхности таушированы

26 января 1928 г. записаны четыре предмета: «ружье фитильное на сошках с медной чеканкой на стволе.» (нельзя исключить, что речь идет о ство-

ле таушированном золотом), «тоже», «без сошек», «тоже». В книге №2 указано «ружье фитильное на сошках», поступившее от татарского педтехникума. Запись датирована 8 апреля 1928 г. В нынешних инвентарных книгах записи о фитильных ружьях относятся к 1948 г. и не содержат дополнительных сведений.

Весьма информативна картина В.В. Верещагина «Богатый киргизский охотник с соколом» (1871 г. холст, масло, 113x72,2). В данном случае нас интересует не колорит, композиция, характер охотника или его сокола, а документально точно выписанное фитильное ружье, висящее за спиной величественного пожилого киргиза. Ствол крепится при помощи тонких ремней (несколько более толстых и широких, чем на музейном ружье). В качестве погонного ремня, использован узкий, но прочный сыромятный. То, что ремень в несколько раз уже использовавшихся в Европе, объясняется особенностями одежды азиатских народов — толстые стеганые халаты, позволяли не заботиться о распределении веса оружия на возможно большую площадь. Шомпол, возможно, железный. Сошка заметно короче, чем у рассмотренных

выше музейных ружей. Большое уважение В.В. Верещагина к деталям и его мастерство позволяют увидеть, каким способом удерживалась сошка в положении, близком к параллельному относительно ствола остриями вперед. К правому древку сошки привязан сыромятный ремень, на другом конце которого имеется петля, накинутая на дульную часть ствола. Такого рода подробности редко фиксируются участниками боевых действий: они либо слишком обычны, либо кажутся мало значащими. Не всегда сохраняются такие мелочи в музейных коллекциях — назначение ремешка непонятно, а декоративность предмета он повышает слабо. Только благодаря точности художника мы можем узнать подобные детали бытования оружия.

Имеются также два рисунка — врезки на схеме расположения войск при взятии Ак-Мечети в 1853 г. [13.с.554]. На одном рисунке изображен азиатский воин среди высокой травы. Правой рукой он поддерживает фитильное ружье с сошкой, зафиксированной вдоль ствола железными остриями вверх. Судя по пропорциям, длина сошки соответствует длине аналогичных деталей у

музейных ружей, что в свою очередь подтверждает правомерность связи этих предметов, в том числе и со среднеазиатскими походами. На другом рисунке изображены три кандских воина в чалмах. Двое из них готовят фитильное ружье к выстрелу — один либо чистит шомполом канал ствола, либо досылает пулю. Второй держит наготове небольшой горящий факел, от которого будет зажжен фитиль, когда зарядание закончится, и ружье будет готово к стрельбе. Третий воин, вооруженный саблей, видимо, осуществляет общее руководство процессом. Обращает на себя внимание то, что подставка для стрельбы не прикреплена к цевью ружья, а ружье просто кладется сверху на две соединенные между собой палочки, накрест воткнутые в грунт. Соединение на рисунке не показано, но аналогичный прием, применявшийся сибирскими охотниками в XIX в., описал А.А. Черкасов [30.с.29]. Достоверность изображенного на рисунке подтверждает свидетельство Е.К. Мейендорфа, относящееся к 1821 г.: «Они ложатся на землю, кладут свое ружье, обычно очень длинное, на вилку, находящуюся рядом...» [31.с.110].

Рассмотренные выше музейные предметы и иконографические материалы позволяют сформулировать ряд выводов.

Калибр большей части нарезных стволов (8-9 мм) действительно является «крошечным» по сравнению с калибром строевого оружия XVIII — первой половины XIX вв. от 16 мм до 17,78 мм. [32.с.33] Уменьшение калибра положительно влияло на меткость выстрела, так как стрельба пулями меньшего веса вызывает меньшую отдачу. Пуля меньшего калибра в полете испытывает меньшее сопротивление воздуха, что уменьшает падение ее скорости, делает траекторию менее крутой. Последнее обстоятельство увеличивает поражаемое пространство и облегчает прицеливание [32.с.21]. Кроме того, уменьшался вес носимых стрелком боеприпасов. Другой причиной применения оружия малого калибра можно полагать нехватку и дороговизну свинца. Например, в воспоминаниях И.Ф. Бларамберга, относящихся к 1852 г., говорится: «одна пуля пролетела рядом со мной и ударила в патронный ящик, и я убедился, что она была глиняная» [14.с.305]. Различные суррогатные пули применялись при нехватке

этого металла. Н.М. Пржевальский указывает на такую практику у китайских солдат, вооруженных, правда, гладкоствольными фитильными ружьями [36.с.260].

Способ крепления визиров прицельных приспособлений позволял изменять их взаимное расположение во время пристрелки, что указывает на достаточно высокую точность огня. Применение для крепления стволов вместо металлических ложевых колец менее долговечных ремней можно объяснить их легкой возобновимостью и дешевизной. Однако, названная выше причина применения кожаных ремней в качестве ложевых колец не единственная и, видимо, не главная. В момент выстрела в стволе огнестрельного оружия возникают колебания, вызываемые резким возрастанием давления пороховых газов и сопротивлением стенок ствола движению пули. Последнее, особенно велико в нарезном оружии: врезаясь в нарезы пуля деформируется, деформируется и ствол, восстанавливая свою форму после прохождения пули. Эти обстоятельства были известны оружейникам очень давно. Одним из способов уменьшить вредное влияние названных колеба-

ний на меткость выстрелов является увеличение толщины стенок ствола. Этим обстоятельством можно объяснить заметное увеличение наружных диаметров дульных частей стволов рассмотренных выше ружей. Полностью избежать упругих деформаций ружейного ствола невозможно. Для стабильных результатов необходимо чтобы эти деформации были по возможности одинаковы от выстрела к выстрелу и не стеснены креплением к ложе. О влиянии крепления ствола к цевью говорится, например, в Высочайше утвержденном «Наставлении для стрелкового образования пехоты и драгун» (1866 г.): «...от слишком тугого сжатия колец может при стрельбе образоваться раздутость в стволе» [33.с.777]. В приведенной цитате отмечена необходимость для винтовочного ствола иметь возможность несколько деформироваться в момент прохождения пули. В настоящее время довольно широко распространено консольное крепление стволов высокоточных охотничьих и снайперских винтовок [34.с.43]. Ствол крепится к ствольной коробке и не соприкасается с цевьем. Этим достигаются «свободные и постоянные ко-

лебания при выстреле» [35.с.17]. При данном способе крепления исключается влияние на упругую деформацию ствола при выстреле жесткого крепления к цевью и изменения размеров ложи при колебаниях влажности. Некоторое сходство с консольным креплением имеет крепление стволов фитильных винтовок. Жестко к ложе при помощи винта, проходящего сквозь хвостовик казенника, крепится лишь казенная часть ствола. Три подмотки из узкого сыромятного ремня (или сухожилий) обеспечивают достаточно прочное соединение ствола с цевьем. С другой стороны это крепление намного более податливо и упруго, чем металлические ложевые кольца. Можно сделать вывод, что крепление ствола при помощи сыромятных ремней способствовало повышению точности стрельбы. Таким образом, консольное крепление стволов современных винтовок является повторением на новом этапе развития оружия давнего технического решения. Длина сошек говорит о том, что ружья из музея были предназначены для стрельбы с колена, а оружие киргизского охотника с картины В.В. Верещагина предполагало стрельбу в по-

ложении лежа, хотя конструктивно ружья сходны. Кроме того, выяснилось, что имелись две разновидности, длинноствольных ружей, одна из которых крупнокалиберные крепостные; и два варианта комплектации, в том числе, с подставкой для стрельбы, не закрепленной на цевье. Что касается ствола, таушированного золотом, то он отличается от других музейных предметов как большим калибром, так количеством нарезов в канале ствола. Совокупность различий наводит на мысль, что данный ствол фитильной винтовки мог быть изготовлен в другом районе. Известно, например, что на территории Афганистана бытовали винтовки более крупных калибров, отличавшиеся меткостью и, что естественно для более тяжелой пули, большей действенностью выстрела. Не исключено также что данный ствол мог быть изготовлен персидскими мастерами.

Для того, чтобы иметь более полное представление о фитильных азиатских винтовках, следует рассмотреть процедуру заряжания и стрельбы. Весьма детально описал приготовление к выстрелу Н.М. Пржевальский на примере ружей монголов в верховьях

реки Хуанхэ, виденных им в действии во время путешествия в 1879-1880 гг.⁵ Следует отметить, что поскольку рассматриваемые нами ружья, так же как и упоминаемые в документах о боевых действиях, нарезные, то подготовка к выстрелу заметно продолжительнее описанной Н.М. Пржевальским. Для заряжания кремневого ружья с нарезным стволом требуется 5-7 минут [37.с.54] Заряжание фитильного нарезного ружья отличается мало. После очередного выстрела необходимо с помощью шомпола с намотанной на него тряпочкой, прочистить и смазать канал ствола. Смазка ствола после каждого выстрела способствовала удалению порохового нагара и уменьшала свинцевание. Затем необходимо отмерить заряд пороха. Заранее отмеренные заряды киргиз-кайсаки носили на шее, в патронташе из сайгачьих рогов (бир атар). Иногда к патронташу привешивали роговой футляр для запасного фитиля [18.с.39] Заряд мог отмеряться и непосредственно из деревянной, роговой или сделанной из верблюжьей кожи пороховницы. Далее забивался пыж (войлочный или из другого материала), после чего с помощью шомпола прогоня-

лась по нарезам свинцовая пуля, снова забивался пыж. Заряжание нарезных ружий могло производиться как с использованием пластыря, так и без него. Пластырем мог быть лоскут тонкой кожи или прочной материи, в которую заворачивали пулю при загонке её в ствол. В этом случае сферическая пуля должна была иметь меньший диаметр, чем канал ствола. При заряжании без пластыря пули лили несколько большего диаметра чем канал ствола и при вколачивании они ещё у дульного среза деформировались и принимали профиль, соответствующий нарезам. Затем канал ствола вновь смазывался. Для этой цели использовалось баранье сало, перетопленное на легком огне со снятием пены и аккуратно слитое для отделения от осадка. Такая смазка не оказывала разрушительного действия на деревянные части оружия, в отличие от многих современных средств для ухода за металлическими частями оружия. После этого из специальной небольшой пороховницы в полку подсыпался высококачественный затравочный порох. Натруска для подсыпки пороха в полку оснащалась пружинным устройством с

рычагом, позволявшим подсыпать в полку небольшое количество пороха. Подобный предмет также имеется в областном музее. Затравочный порох воспламенялся при помощи фитиля. Фитиль изготавливался из пеньки или другого растительного материала. Шнур вываривался в щелоче с порохом [19.с.53], или в щелоче с известью, или вымачивался в щелоче с известью [38.с.56-59]. Были другие способы изготовления фитиля. Зажженный фитиль вставляют в раздвоенный конец курка «и затем при помощи пружины ударяют несколько раз фитилем по полке, пока не последует выстрел» [31.с.110,111]. Одна из возможных причин осечек фитильных ружей разъясняется Ч.Ч. Валихановым в работе «Исторические предания о батырах XVIII в». На фитиле образуется нагар, который, если его вовремя не удалить, препятствует воспламенению пороха в полке [24.с.219]. Исходя из особенностей эксплуатации мы можем с уверенностью сказать, что кроме упоминавшихся выше большой пороховницы, натруски с запасом затравочного пороха, шомпола в комплекте снаряжения каждого стрелка должна была быть игла для прочистки зат-

равочного отверстия, емкость для сала, необходимого для смазки канала ствола и других металлических деталей, кожаный мешочек для пуль и какая-либо емкость для пыжей. Необходима была форма для отливки сферических пуль, так как калибры отдельных экземпляров могли различаться между собой. Для добывания огня у каждого стрелка был кремь с кресалом и трут. Принадлежности для стрельбы киргиз-кайсаки носили на поясе, который также как и сумка назывался калта. Сумку с кремнем, огнивом, салом для смазки, запасным фитилем и роговым футляром для фитиля подвешивали на поясе справа. На том же поясе позади висела круглая пороховница. Кожаные мешочки для пуль находились слева [18.с.39].

В отношении использования дульнозарядного оружия на Востоке весьма интересны наблюдения, сделанные на территории Афганистана в 1985 г. Анатолием Дмитриевичем Наклонных, оружейным мастером, старшим советником юстиции в отставке. Сферическую пулю при заряжании дульнозарядных винтовок оборачивают кусочком материи, и получившийся «стакан-

чик» с пулей внутри досылают деревянным составным шомполом. Части шомпола соединяются не при помощи резьбы, как у современных охотничьих ружей, а байонетным соединением с латунным штифтом. Жир для смазки используют бараний, бычий, верблюжий, барсучий, сурчинный, но обязательно нутряной. Порох хранится в холщовых пропитанных воском мешках. Заранее отмеренные навески пороха насыпают в небольшие холщовые же мешочки на один заряд, завязываемые у горловины. Пыжи масекаются из бараньих шкур. Фитиль пропитывают бараньим жиром и натирают порохом. Сошки, в отличие от сошек длинноствольных ружей киргиз-кайсаков, складываются назад. Погонные ремни и чехлы совершенно произвольные, в зависимости от достатка владельца. Сведения А.Д. Наклонных как хронологически выходят за рамки темы, однако заслуживают внимания, если учесть известный консерватизм в использовании дульнозарядного оружия, обусловленный в данном регионе, прежде всего, экономическими причинами, а так же имевший место в прошлом и ныне постоянный культурный

обмен в самом широком смысле, между присоединенными к России в XIX среднеазиатскими государствами и территорией Афганистана. Провоценные холщовые пороховницы и матерчатые мешочки для зарядов XVIII-XIX вв. могли использоваться наименее обеспеченной частью азиатских стрелков. Не исключено, также, что названные детали снаряжения относятся только к XX в., так как в более ранние периоды обладание дульнозарядным оружием означало немалый уровень благосостояния, и владелец такого оружия мог позволить себе более дорогую и удобную пороховницу. Во второй половине XX в. ситуация изменилась. Широкое распространение в регионе получило магазинное и автоматическое оружие, более удобное на ближних и средних дистанциях. Как это обычно бывает дульнозарядные винтовки, морально устаревая, переходили в руки менее состоятельных стрелков. Однако эти процессы неоднозначны. очевидцы сообщают, что в конце XX в. афганцы метко стреляли из дульнозарядных винтовок на дальности 1000 м. и даже 1500 м, а хорошая дульнозарядная винтовка стоит недешево.

Вопрос об эффективности

данного вида оружия проясняют свидетельства очевидцев. Так, Е.К. Мейендорф отмечает в 1820-1821 гг., что фитильные ружья использовались для охоты на кабанов и даже на тигров на берегах Джаныдари [31.с.45]. В описании взятия Ак-Мечети в 1853 г. имеется указание на то, что «из ружей стреляли довольно метко до 250 сажен» [13.с.554].

Трагический эпизод 29 августа 1855 г. отчетливо обрисовывает боевые возможности азиатских фитильных винтовок. На реке Темире команда из 1 урядника и 15 казаков с султаном Галием Тунганчиным и семью киргизами подверглись нападению 500 киргиз-кайсаков. Казаки и султан с киргизами укрылись в кругу положенных верблюдов и стали отстреливаться. Казаки были вооружены старыми кремневыми ружьями, султан имел штуцер. У нападавших – холодное оружие и лишь у некоторых длинные фитильные винтовки «бьющие пулями на 200 сажен». Киргиз-кайсаки расположились на расстоянии 150 сажен, где пули казаков не причиняли им вреда. Четыре часа продолжалась перестрелка, в ходе которой осажденные были убиты или ранены. У казаков кончились боеп-

рипасы. В неравной рукопашной схватке киргизы перебили раненых. Остался жив один раненый молодой казак Иван Михайлов, захваченный в плен и сумевший вскоре бежать [13.с.161,182]. Таким образом, бесспорное преимущество ударного кремневого замка перед фитильным в отношении удобства и быстроты производства выстрела не всегда гарантирует огневое превосходство на поле боя.

Следует добавить, что в приведенном эпизоде, ружья киргиз-кайсаков определяются как имеющие значительные габариты: «...длиною в печатную сажень...», то есть речь идет об общей длине оружия в три аршина – 2160 мм. Эти размеры заметно превышают длину ружей в краеведческом музее Оренбурга. Нельзя исключить, что более длинные ружья могли иметь несколько больший калибр. Однако, вполне возможно другое объяснение упомянутой выше длины оружия киргиз-кайсаков, участвовавших в печально закончившемся для казаков инциденте. Данные Ивана Михайлова, естественно, не являются результатом точных измерений, – ружья кочевников могли быть и несколько короче сажени. С другой стороны,

ружья, сходные с ранее описанными музейными, находясь в походном положении за спиной всадника с закреплёнными в вдоль ствола сошками остриями вверх (вперёд) общей длиной могли приближаться к размеру в три аршина.

Приняв во внимание изложенные выше факты об эффективности применения длинноствольных фитильных винтовок, можно прийти к некоторым выводам. Дальность прицельного выстрела фитильных нарезных длинноствольных азиатских ружей достигла 400-500 метров. Это существенно больше, чем дальность стрельбы гладкоствольного строевого оружия регулярной российской армии и казаков. Превосходили фитильные длинноствольные винтовки по дальности и более портативные (и, соответственно, более короткоствольные) винтовки оренбургских и уральских казаков. Однако сравнение казачьих и азиатских длинноствольных винтовок не вполне корректно. Это оружие разного назначения. Фитильное нарезное длинноствольное оружие киргиз-кайсаков и воинов среднеазиатских ханств - это оружие высокоточное и дальнобойное (по меркам своего времени).

Предназначенное для точных выстрелов с упора, оно по характеру выполняемых задач несколько сродни современным снайперским винтовкам. Конструкторы современных дальнобойных винтовок зачастую сознательно жертвуют скорострельностью ради точности. В этих рамках рассмотренные нами образцы близки к совершенству, со всеми, впрочем, недостатками, свойственными фитильным замкам. С другой стороны в качестве устройства для воспламенения пороха в ружьях, предназначенных для стрельбы на сравнительно большую дальность фитильный замок самого простого устройства обладал важным достоинством: в момент поджигания пороха в полке фитилем не было удара курком, сбивавшего ружье с прицела. [26.с.45]. Семилинейное кремневое гладкоствольное ружье обр. 1808 г., стоявшее на вооружении российской армии, имело при стрельбе сферической пулей прицельную дальность 300 шагов (213 м). «Казенные» гладкоствольные ружья казаков обладали меньшей дальностью стрельбы. В 1843 г. был принят на вооружение Литтихский штуцер, предназначавшийся для стрельбы на дальность до

1200 шагов (853 м), однако их количество в войсках было не велико [40.с.16]. Принятие в 1855 г. цилиндрико-сферических пуль французского образца для пехотного, драгунского гладкоствольных ружей повысило дальность стрельбы до 600 шагов (426 м) [40.с.16]. Точность стрельбы гладкоствольных ружей пуль нового образца на дальних дистанциях была незначительна [41.с.19,20]. Для пистолетов и казачьих ружей была оставлена прежняя сферическая пуля. Для семилинейного нарезного ружья обр. 1854 г. в 1855 г. была утверждена цилиндрико-стрельчатая пуля бельгийского образца, замененная в 1857 г. более совершенной пулей Минье [42.с.28]. Эти пули, с расширяющейся, под действием пороховых газов в момент выстрела, задней частью, обеспечивали дальность прицельного выстрела 1200 шагов (853 м) [40.с.16]. Таким образом, совершенствование стрелкового оружия и боеприпасов российской армии в середине XIX в. свело на нет преимущество дальнобойных фитильных винтовок. Процесс перевооружения не был одномоментным событием. В 1856 г. начальник Уральского укрепления констатировал преимущество

«хищных киргиз», вооруженных винтовками, перед казаками с их форменными ружьями. [16.с.277].

В Оренбургском корпусе имелись ружья, сравнимые по дальности с азиатскими длинноствольными винтовками, до введения цилиндрико-сферических и цилиндрико-оживальных пуль для пехотных и драгунских ружей. Так, при взятии 1850 г. укрепления Кош-Курган было израсходовано 47 патронов к двум крепостным ружьям, бывшим при отряде [8.с.271]. При этом ружья упоминаются особо, наравне с артиллерийскими орудиями. В рассматриваемый период на вооружении находилось ударное крепостное ружье обр. 1839 г. Оно имело: откидной затвор; поднимающуюся вверх передним концом камору; ствол с восемью нарезами длиной 1274 мм, калибр 21,66 мм. Задний визир прицела состоял из неподвижного щитка на 100 шагов и двух откидывающихся на 200-300 шагов. Наибольшая прицельная дальность около 700 м (1000 шагов). Данное казнозарядное оружие не отличалось практичностью из-за прорыва большого количества пороховых газов и было заменено 1851 г. дульнозарядным стер-

жневым крепостным штуцером Куликовского [19.с.151, 152] с прицельной дальностью 1000 шагов (711 м). Однако, по причине значительной массы и габаритов, а также относительно небольшого количества эти ружья не могли играть решающей роли в ходе военных действий в степи.

Говоря о степени совершенства азиатских фитильных винтовок, уместно отметить тот факт, что по основным параметрам ствола — длине и калибру они сходны с широко известными длинноствольными дальнобойными «винтовками из Кентукки». Это оружие сложилось в США как тип в конце XVIII в. начале XIX в. в условиях относительной дороговизны пороха и свинца, что привело к уменьшению калибра. [43.с.66,67]. Длина ствола около метра, калибр — 9-10 мм [19.с.136]. Стволы обоих типов винтовок изготовлены кустарно, крепление и конфигурация мушки чрезвычайно схожи. «Обмен опытом» крайне мало вероятен: регионы распространения рассматриваемых нами ружей и кентуккских винтовок слишком удалены друг от друга, а среднеазиатские ханства или киргиз-кайсацкие степи труднодостижимы в начале XIX в. для евро-

пейцев и, естественно, для североамериканцев. Мы можем убедиться, что при одинаковых требованиях и близких технологических возможностях (в данном случае ремесленное производство) независимо друг от друга в разных регионах эмпирически вырабатываются, по мере приближения к оптимальному решению, все более сходные изделия. Для дульнозарядного оружия точность и дальнобойность определяются, в первую очередь, упомянутыми выше параметрами ствола, а они оказались практически одинаковыми.

Для более коротких дистанций азиатским воинам, видимо, не хватало надежного и маневренного сначала кремневого, а затем капсюльного оружия. Здесь сказывалось преимущество российских войск, оснащенных, кроме того, достаточно мобильной и боеспособной артиллерией. Что касается примитивности или моральной устарелости фитильного оружия в XVIII-XIX веках, то следует рассматривать проблему в комплексе с другими. Фитильный замок господствовал на многих обширных территориях Азии, в то время как в Европе давно преобладали ударные кремневые замки,

а в начале XIX в. появились еще более эффективные капсюльные. Ударный кремневый замок французского типа, или более архаичный испано-мавританский (как его называют на западе Микеля) замок достаточно надежен и удобен в обращении. Однако для изготовления пружин и огнива необходимы определенные высококачественные сорта стали и мастера, умеющие изготовить детали и отрегулировать замки. Большую роль играло соотношение жесткости пружин кремневого замка. В процессе эксплуатации важна проблема кремней. Пирит и кремень распространены достаточно широко, но все же находятся далеко не везде. Кроме того, для достижения стабильного результата нужны не куски определенных минералов, а изделия — ружейные кремни. Производство ружейных кремней было в странах Европы массовым и как всякое производство требовало квалифицированных мастеров и специального оборудования — 4-5 вращающихся шлифовальных камней, в том числе [39.с.61-63]. Показательно, что в Чечню, например, кремни возили в том числе из Константинополя [37.с.65]. Для производства важнейшим обстоя-

тельством является наличие рынка сбыта. Во многих регионах Азии спрос на ружейные кремни мог отсутствовать по нескольким причинам: малая плотность населения, относительно небольшое количество огнестрельного оружия, бедность возможного потребителя. Изготовление фитиля менее сложное дело и возможно в «домашних условиях». Что касается пороха, то наиболее сжато суть процесса его производства сформулировал Ф. Бродель: «Уголь надо было растереть с серой и селитрой, а затем просеять, в результате чего получали либо крупный, либо мелкозернистый порох» [42.с.419]. Ч.Ч. Валиханов детально описал фабрикацию пороха при помощи простейшего инвентаря в работе «Составные части киргиз-кайсацкого пороха» [45.с.183, 184]. Селитра добывалась на месте давнишних зимовок, уголь выжигался из талового дерева, сера закупалась у российских торговцев татар, так как среднеазиатская сера считалась менее качественной [45.с.183]. Хотя приемы и оборудование при изготовлении пороха у киргиз-кайсаков сильно отличались от применявшихся в России [44.с.39-44], однако суть процессов, а главное их конеч-

ный результат были сходны. Упоминание одного источника свинца для азиатских воинов дано в описании «Экскурсии при походах генерала Черняева между Чу и Сыр-Дарьей в 1864 г.» Н.А. Северцова [17.с.50,51]: «...руда, сколь известно, выламывается киргизами у их [жил] выходов, без правильных горных работ. Она легкоплавкая, и киргизы плавят ее на огне из хвороста. Свинец продается в Азрете, оттуда идет в Ташкент и далее в Кокан и Бухару...». Названный источник свинца не был единственным в регионе.⁶ Из этого следует, что запрет со стороны России на продажу «азиатским народам» свинца и пороха хотя и затруднял пополнения боеприпасов, однако не мог вовсе лишить воинов сопредельных территорий возможности применять огнестрельное оружие. Таким образом, выяснено, что в XVIII-XIX веках фитильные ружья по сумме возможностей изготовления, боевым качествам и эксплуатации были оптимальны для территорий, заселенных киргиз-кайсаками, для среднеазиатских ханств, отдельных районов Индии, Персии, Тибета, Китая и Сибири. Вытеснялось это оружие из военной сферы только под дав-

лением извне – со стороны армий экономически более развитых государств, обладающих современным оружием.

Между европейским фитильным оружием XVII в. и азиатскими фитильными ружьями нет непроходимой пропасти. Часть русских фитильных пищалей и мушкетов имели азиатские замки. [19.с.55,56]. Интересно, что в Самаре в 1734 г. среди оружия, артиллерии и амуниции упоминаются «мушкетов фитильных негодных семьдесят семь...» [46.с.8] Фитильное оружие других регионов Азии выходит за рамки темы.⁷

Азиатские фитильные ружья были малопригодны для динамичной конной схватки. Помимо трофейного оружия с ударными кремневыми замками изредка встречалось у киргиз-кайсаков огнестрельное оружие, специально предназначенное для действия на коротке. К 1845 г. относится эпизод, приведенный во втором выпуске материалов по историко-статистическому описанию ОКВ. Речь идет о рукопашной схватке казака и его спутника киргиза с восемью всадниками Керейского рода: «Я опять зарубил троих и, налетев на последнего – восьмого, не ожидал у него встретить

заряженное ружье – оно у него было оплетено ремнями в виде нагайки большого размера, и он выстрелил в меня в упор. Пуля ударила выше правого соска, прошла насквозь и разбилась о кость надвое и в двух местах прошла через левую лопаточную кость, вырвав куски мяса и кожи.» [48.с.52]

Вероятно, это было гладкоствольное ружье, так как нарезной ствол имеет смысл при стрельбе на заметные расстояния и при наличии прицельных приспособлений. Ударный кремневый замок средиземноморского типа, хотя возможно наличие французского батерейного замка с трофейного оружия⁸. Спуск обычный для такого рода ружей – пуговкой (как у турецких и кавказских ружей.) Необычна, видимо, была деревянная ложа – для лучшей маскировки, возможно изготовлена специальная с прикладом-рукоятью, находящимся на одной линии со стволом – так легче замаскировать под нагайку. Прицеливанию такая форма не способствовала: с обычной ложей стрелять удобнее, но смысл применения замаскированного оружия во внезапности. Часть огнестрельного оружия, находившегося в руках киргиз-кайсаков, захватывалась ими

во время набегов на Оренбургскую пограничную линию.

Какое-то количество ружей, вероятно, закупалось в среднеазиатских ханствах. Кроме того, фитильные винтовки могли поступать к киргиз-кайсакам в качестве военно-технической помощи от недружественно настроенных по отношению к России среднеазиатских правителей. В этом отношении показательна просьба султана Касыма Аблаева, отца Кенисары Касымова, к Ташкентскому беку в 1840 г. о присылке ему свинца, пороха и старужей. Правда, в данном случае султан Касым был убит посланцами бека [36.с.143]. В других случаях помощь вполне могла быть оказана. О широком распространении фитильных ружей в различных регионах сообщает Мехти Рафаилов в записках, относящихся к 1808 и 1812 гг. [50. с. 36, 40, 53, 58, 63, 64], однако, не указывает центров их производства. В XVII в. фитильные ружья производились в Турции и, что особенно интересно для нас, в Хиве [51.с.38,40]. В Индии фитильное оружие производилось и использовалось и в XVII в. и в XIX в. [17.с.117].

Оружие, изготавливавшееся в XVII в, может иметь отношение к истории нашего края.

Ствол является наиболее трудоемкой, дорогой и долговечной частью дульнозарядного оружия.[52.с.6.]. При аккуратном обращении, в отдельных случаях он может служить 150 и более лет. Поэтому есть основания предполагать постепенное увеличение количества фитильных винтовок как в руках киргиз-кайсаков, так и воинов среднеазиатских государств по причине накопления этого долговечного оружия даже в случае скромных объемов его производства. Е. К. Мейендорф свидетельствует, что в 1820 г. в Бухаре изготавливались фитильные ружья со стальными стволами [31.с.117]. По сообщению П.И. Демезона, относящемуся к 1834 г., часть ружей привозилась из Кабула [9.с.80]. Таким образом, мы видим, что изготовление фитильного оружия было распространено довольно широко и в том числе в прилегающих к Оренбургской пограничной линии областях Средней Азии.

Сведения о новинках оружия, снаряжения и военной техники распространяются быстрее, чем о любых других предметах материальной культуры. [52.с.546] П.И. Демезон констатировал, что в 1834 г. капсюльное ружье было в диковинку в Бухаре, а первые

капсюльные пистолеты были привезены в 1828 – 1829 гг. [9.с.39] Новые образцы оружия приобретают для государства серьезное значение лишь при условии его массового применения. Это зависит от возможностей его производства или закупки. Возможность последней зависит от наличия денег и политических обстоятельств. Препятствовать закупкам оружия может та или иная могущественная держава, имеющая интересы в данной части мира. Российская империя никоим образом не была заинтересована ни в развитии производства вооружения⁹ азиатскими соседями, ни в предоставлении им возможности закупки современного оружия. Тем не менее, изменения в вооружении имели место.

В.Е. Маркевич отмечал наличие в Самарканде и Хиве капсюльных гладкоствольных «карабинов Кеферлейна», производившихся в Дрездене (Саксония). Это оружие имело верный бой сферической пулей на 100 шагов и менее. [19.с.170]

В 1866 г. отмечается наличие у кокандцев большого количества бумажных дульных патронов [54.с.58]. В том же году Российские войска столкнулись с афганцами, персами и

туркменами «из которых многие имели револьверы и капсюльные ружья»[54.с.63], сражавшимися на стороне бухарцев. Происхождение капсюльных ружей и револьверов (вне всякого сомнения, револьверы так же были капсюльные) в данном случае не ясно. В России оружие с капсюльным замком было принято на вооружение с 1839 г., а в Англии в 1834 г. [19.с.151,120]. Капсюльные револьверы, хотя и не принимались официально на вооружение в России, приобретались офицерами за свой счет[55.с.190]. Среди английских офицеров в Индии были также распространены капсюльные револьверы [56.с.56,57].

В 1875 г., в начале кокандской войны, на вооружении пехотинцев состояли капсюльные ружья местного производства весьма невысокого качества.¹⁰ Картины В. В. Верещагина содержат дополнительную информацию о капсюльном оружии, находившемся в руках азиатских воинов.¹¹ В 1892 г. оренбургские казаки участвовали в схватке с афганцами на Памире – «на месте столкновения было поднято 16 афганских ружей, из них 11, заряжающихся с казны и 5 – с дула [54.с.287]». Отсутствие произ-

водственной базы не позволяло среднеазиатским государствам снабжать свои вооруженные силы современным оружием. По данным И. В. Погорельского, нукеры хивинского хана были вооружены к началу XX века отпущенными через Туркестанского генерал-губернатора военным министерством России винтовками Бердана №2 [57.с.33]. Это однозарядные винтовки с продольно-скользящим затвором. Более экономически развитые страны, в том числе и Россия, имели в конце XIX в. на вооружении своих армий магазинные винтовки.

Говоря об огнестрельном оружии азиатских воинов, нельзя не коснуться еще одного источника снабжения – запрещенной государством продажи оружия с территории Российской империи. О масштабах подобных операций судить сложно – сохранение «коммерческой тайны» было жизненно необходимо для торгующих. Информация о контрабанде могла сохраниться лишь косвенная.

В 1722 году Флорио Беневени сообщает Петру I о наличии в ногайском караване, пришедшем в Хиву, трёх выюков фузейных стволов без клейм. «Заповедный» товар тайно пе-

редавался русскими купцами из разных городов и через Астрахань отправлялся в степь. Упоминается также и другой маршрут: «...из Саратова к калмыкам и татарам приносился, и при том товаре юков по десяти, по двадцати бывает вдруг курков и винтовочных стволов, которых ныне в Хиве тьма продана от ногайцев» [5.с.71,72]. Проблема несанкционированной государством продажи оружия и боеприпасов существовала в крае и во второй половине XVIII века. Ордером 27-го июля 1775 года атаманам станиц был подтвержден запрет на продажу пороха и свинца — «таковые вещи быть в руках азиатских народов по законам предосудительно» [58.с.258]. В. А. Перовский, будучи оренбургским военным губернатором, старался предотвратить возможность продажи оружия и боеприпасов солепромышленниками, добывавшими самосадочную соль за пределами пограничной линии. Он требовал от пограничного начальства строгого учета оружия и боеприпасов до ухода промышленников и по возвращении их из степи, а 11 ноября 1838 г. предписал четвертой части людей в каждом караване иметь ружье с 20 патронами или пистолет с 10

патронами, а остальным промышленникам — белое оружие [9.с.610-611]. Поскольку на проблему обратил внимание руководитель столь крупного ранга, то продажа оружия солепромышленниками могла носить не единичный и не случайный характер. Во второй половине XIX в. проблема продажи оружия, запрещаемой государством, оставалась. В 1868 г. зафиксировано нападение на казаков в районе Ташкента. Бухарцы были вооружены ударными (капсюльными) ружьями тульского и бельгийского производства. По официально не подтвержденным (и не опровергнутым) сведениям были случаи продажи винтовок возвращавшимися со службы казаками «татарам, сартам и кому угодно за 2 и за 3 руб. серебром». В связи с этим наказной атаман Уральского казачьего войска циркуляром предписал усилить контроль за оружием при отправке и возвращении казаков со службы. Оставшееся после смерти казаков огнестрельное оружие продавать с аукциона только казакам, увольняемым со службы казаков до смены команд отправлять без оружия, либо сообщать об огнестрельном оружии, находящемся при нижнем чине, мес-

тному начальству. [59.с.3] Проблема несанкционированной продажи оружия не решена окончательно в масштабах всего государства и сейчас.

К сказанному выше следует добавить, что не только российские войска сталкивались с проблемой большой дальности и меткости длинноствольных восточных ружей. Строевое оружие французов в Алжире 1830 г. и англичан в Афганистане также уступало фитильным ружьям на дальних дистанциях. Проблема была решена лишь после усовершенствования дульнозарядных винтовок и боеприпасов к ним, исключавших необходимость тугой загонки пули. Впрочем, на Западе эти усовершенствования были проведены раньше, чем у нас [60.с.168-169].

Рассмотрев совокупность приведенных материалов, можно сделать вывод о том, что оружие азиатских воинов, противостоявших казакам и регулярным войскам, было весьма эффективным. Особенно это относится к длинноствольным фитильным винтовкам, на дальних дистанциях безусловно превосходившим ручное огнестрельное оружие российских войск в XVIII — начале XIX в. Обратив внимание на особенности воо-

ружения киргиз-кайсаков, мы приходим к выводу, что служба по охране Оренбургской пограничной линии была сложнее и опаснее, чем кажется на первый взгляд — если ограничиться рассуждениями о моральной устарелости фитильного замка.

Примечания:

1. В казахском эпосе «Кобланды-батыр» имеются строчки:
*«Джигиты хана-есаулы-
Все приспешники его
С фитильными ружьями в руках...»*
[61.с.141].

В киргизском эпосе «Манас» есть сравнения изогнувшейся шеи коня с ружейным фитилем [62.с.343]. Последнее упоминание свидетельствует о широком распространении фитильных ружей, делающем понятным для всех слушателей такого рода сравнение.

2. «В четвертом тюке: а) короткий штуцер с вытравленными на стволе различными фигурами, с прицелом посредине и с персидскою по бокам надписью: «О, царь, долговечность жизни твоей да будет тысячу лет. Кровопролитие под твоею властью да продлится тысячу лет»; б) два мушкетона; в) два крепостных ружья с медными на стволе кольцами и с надписями на казенной части: «Повелит пророк»; г) два крепостных ружья с вытравленными на стволах разными фигурами с серебряными насечками и надписями; на одном арабская: «Хан Абдрахман 1261 Эгиры (1844)»; на другом коротком — персидская, две строчки, которые стерты, а в последней: «что в мыслях муравья нет заботы»; все эти четыре крепостных ружья имеют внутри восьмиугольную грань, а вместо замков пружины для фитилей и д) в том же

тюре помещено одно крепостное ружье без грани внутри ствола» [15.с.32,33] Не вполне ясно выражение «с медными на стволе кольцами»: либо это декоративные латунные пояски, врезанные в поверхность ствола и опиленные заподлицо, либо речь идет о ложевых кольцах, крепящих ствол к цевью. Выражение: «... имеют внутри восьмиугольную грань, ...» означает наличие 8 нарезов в канале ствола.

3. В небольшой крепости Гурен в 60 верстах от Герата в числе прочего вооружения персами было взято в 1837 г. «сотни три шамхалов, или крепостных ружей» [63.с. 197].

4. В повести В.И. Даля «Бикей и Мауляна» есть описание находящегося за плечами киргиз-кайсака всадника фитильного ружья: «... коего оправленные в сайгачьи рога рожки выказывались из-за левого плеча,...» [22.с.92] В «Топографии Оренбургской» П.И. Рычкова, изданной на немецком языке, с комментариями и введением профессора А. Андерле имеется ряд изображений киргиз-кайсаков с огнестрельным оружием. На иллюстрации «Соколиная охота киргизов» [64.с.123] взятой из «Полной народной галереи с точными зарисовками всех народов с исчерпывающими объяснениями» (Мейсен, 1844 г.), отчетливо виден сидящий киргиз, опирающийся на ружье с сошкой, концы которой несколько разведены в стороны от ствола. Сошка закреплена остриями вверх вдоль ствола. На странице 82 имеется изображение «гофмейстера султана Ерали» [64.с.82] с фитильным ружьем, взятое из «Материалов к русской истории со смерти Петра Великого» (Рига, 1784 г.). Киргиз-кайсак держит в руке фитильное ружье с сошкой, являющейся продолжением цевья и составляющей с ним одно целое: два острия располагаются несколько вперед и ниже устья цевья и выходят вперед за дульный срез ствола. Нельзя исключить, что художник не прорисовал крепление со-

шки, сходное с описанным выше.

5. «Фитильные ружья, употребляемые монголами и в особенности тангутами, гораздо лучше вышеописанных войсковых, так как имеют длинный ствол и пулю одинакового с ним калибра, при том заряд прибавляется кусочком войлока. Но все-таки дальность боя и этих, всегда гладкоствольных, ружей не превосходит 200 шагов, да и то с весьма малой меткостью. Изготовление же к выстрелу, даже к поспешному, занимает много времени, ибо необходимо сначала установить ружье на сошки, поместиться самому возле него на коленях, вложить тлеющий фитиль в курок, снять крышку с полки, затем прицелиться и стрелять. Если же горящего фитиля нет наготове, то прежде всего необходимо добыть огонь, вырубая его из кремня. После выстрела зарядка тоже весьма сложно и начинается с того, что вынимают зажженный фитиль из курка, насыпают из пороховницы в мерку, а иногда и прямо на ладонь заряд пороха, который кладут затем в ствол, забивают или спускают туда пулю, насыпают на полку порох и, если нужно тотчас стрелять, то опять вкладывают в курок тлеющий фитиль. Последний готовится из пеньки в виде тонкой веревки и помещается в особом кожаном мешочке сбоку приклада. Этот приклад делают длинным и узким, так что напоминает отчасти ручку пистолета; цевье же продолжается на всю длину ствола и имеет близ своего конца утолщение, к которому приделываются сошки. При ношении ружья на ремне за спиной сошки эти отгибаются кверху и удерживаются в таком положении затычкой, вкладывающейся в дуло ствола.» [22.с.261].

6. В начале XIX в. в верховьях реки Каратургай, примерно в семистах верстах от Троицкой крепости [65.с.169] киргиз-кайсаками случайно было обнаружено чрезвычайно богатое месторождение свинцовой руды. При этом в

сильную жару на поверхности появлялся самородный металл. Казахи выплавляли свинец из руды, сжигая кизяк в ямах, выкопанных непосредственно в свинцовой горе. Часть киргиз-кайсаков была против сообщения о месторождении российским властям. Имелись сведения о том, что выплавленный кочевниками свинец продавался в том числе в Бухару [65.с.183]. В 1814 г. по указанию оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского к месторождению была направлена рекогно-сцировочная экспедиция, успешно завершившаяся [65.с.172]

7. Японские фитильные ружья [66.с.355], употреблявшиеся до середины XIX в., скопированы с португальских образцов. Самый знаменитый мастер меча первой половины XVII в. в Японии Мусаси Миямото полагал фитильное ружье лучшим оружием при обороне крепостей и на поле боя до начала рукопашной схватки. [67.с.75] В настоящее время проводятся международные соревнования по стрельбе из фитильных ружей [68.с.171]

8. В 1999 г. на передвижной выставке наградного, подарочного и коллекционного оружия Центрального музея вооруженных сил (Москва) в Оренбурге в числе других экспонатов демонстрировался афганский 15 мм нарезной карабин XIX в., подаренный С.Л. Соколову министром обороны Афганистана Рафи, оснащенный кремневым батарейным замком, снятым с английского ружья. Форма приклада карабина очень напоминает форму приклада фитильных ружей, хранящихся в музее Оренбурга.

9. В Оренбургском областном архиве хранится совершенно секретное дело канцелярии оренбургского генерал-губернатора, датированное 1864 годом. В нем говорится о высылке племенем Юнгалы, проживающем близ китайской границы, эмигрантов под видом купцов «с поручением приискать из числа сосланных в этот край поляков и других лиц, людей, способных

лить пушки, пули и делать другие огнестрельные снаряды и, войдя в сношение с такими лицами, склонить их к бегству на китайскую границу, - для устройства там артиллерии и вообще для содействия вооружению той местности...» [69.Л.1] Мысль о преимуществах, которые дает собственное производство вооружения, была не чужда руководителям на всех ступенях общественного развития.

10. «Пехота была вооружена ружьями, изготовленными на оружейном заводе Худояр-Хана; они гладкоствольные и напоминали наши 6-линейные винтовки, прицелы медные на 300 шагов; но шарниры у них до того слабы, что при малейшем движении ружья поднятый прицел падал, шомполы изогнуты, а у некоторых даже деревянные, на дульной части ствола не имелось приспособления для крепления штыка; вообще же ружья содержались кокандцами грязно и небрежно; зато на каждом красовалась надпись: «Завод Худояр-Хана в Коканде»» [54.с.147]

11. На картине В.В. Верещагина, относящейся к 1869-1870 гг. «Кокандский солдат» изображен воин с капсюльным ружьем, прислоненным к стене. Ложа европейского типа, почти во всю длину ствола с весьма массивным прикладом. Ствол, не исключено, нарезной, сходный со стволами фитильных ружей. Погонный ремень широкий. Имеется предохранительная скоба. Воин с картины «Афганец» (1867-1868) опирается на ружье с ударным капсюльным замком. Ложа так же европейского типа, приклад менее массивный, чем у оружия кокандского солдата, со щечкой. Спуск защищен скобой. Погонный ремень широкий. Под рукой убитого бухарца на картине «После неудачи (побежденные)», 1868 г. лежит капсюльное ружье. Ложа европейского типа, грубая и массивная, затыльник приклада отсутствует. Крепление замка к ложе сходно с креплением русских капсюльных ружей, конец замоч-

ного винта выступает за плоскость глазка с гайкой на левой стороне ложки, куда он ввинчен, что говорит о не вполне точной пригонке деталей.

Библиографические

ссылки:

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С., 1999, Оренбургское казачье войско в трех веках, ЧГУ, Челябинск, 449 с.
2. Кобзов В.С., 1997, Воинская повинность Оренбургских казаков во второй половине XIX начале XX века // Оренбургское казачье войско, ЧГУ, Челябинск, 205 с.
3. Рычков П.И., 1896. История Оренбургская (1730-1750), Издание Оренбургского губернского статистического комитета под редакцией и с примечаниями М.И. Гутьяра, секретаря комитета. Типо-литография Ив.Ив. Евфимовского- Мировицкого. Оренбург, 95 с.
4. Любавский М.К. 1996. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX в. Изд-во Моск.унта. М., 688 с.
5. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. 1986, Главная редакция восточной литературы, изд. «Наука». М., 195 с.
6. Кобзов В.С., 1996. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска XVIII – первой половине XIX вв. ЧГУ, Челябинск. 155 с.
7. Будрин. 1871. Русские в Бухаре в 1820 г. // Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г., Оренбург. Отд.2, 45 с.
8. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.9, 1910 г. Типо-литография Б.А. Бреслина, Оренбург, 650 с.
9. Записки о Бухарском ханстве (отчет П.И. Демезона и И.В. Виткевича). 1983. Главная редакция восточной литературы изд. «Наука» М., 149 с.
10. Захарьин И.Н. (Якунин), 1901. Граф В.А. Перовский и его зимний по-

ход в Хиву. Типография П.П. Сойкина, Стремянная, 12. Сп.б. 206 с.

11. Прянишников М.Е. 1977. Писатели-классики в Оренбургском крае. Издание 4-е. Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск, 270 с.
12. Толстой А.К. 1907. ПСС. Т.3. Приложение к журналу «Нива» на 1907 г. Издание А.Ф. Маркса. Сп.б. 471 с.
13. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XI. 1913. Типо-литография н-цы Бреслина. Оренбург, 657 с.
14. Бларамберг И.Ф. 1978 г. Воспоминания. Главная ред. Восточной литературы издательства «Наука». М., 357 с.
15. Юдин М.Л. 1899. Материалы к истории Оренбургского края. С.25-48 / Труды Оренбургской Ученой Комиссии. Вып. V. Оренбург
16. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XII 1915 г. Типо-литография н-цы Бреслина. Оренбург., 526 с.
17. Северцов Н.А. 1873. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань, совершенное по поручению ИРГО. Сп.б. 461 с.
18. Валиханов Ч.Ч. 1985. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Собр.соч. в 5 т. Т.4. Главная ред. казахской советской энциклопедии. Алма-Ата. 461 с.
19. Маркевич В.Е. 1996. Ручное огнестрельное оружие. Полигон АСТ. М., Сп.б. 580 с.
20. Богораз В.Г. 1991. Материальная культура чукчей. Наука М., 224 с.
21. Зобов Ю.С. 1996. Древнейшие обитатели приуральских степей. // История Оренбуржья ред. Футорянский Л.И. Оренбургское книжное изд. Оренбург. 351 с.
22. Даль В.И. 1981. Бикей и Мауляна. Повести и рассказы. Башкирское книжное изд. Уфа. 288 с.
23. Даль В.И. 1981. Майна. Повести и рассказы. Башкирское книжное изд. Уфа. 288 с.

24. Валиханов Ч.Ч. 1984. Исторические предания о батырах XVIII в. Собр.соч. в 5 т. Т.1. Главная ред. казахской советской энциклопедии. Алма-Ата. 431 с.
25. Иллюстрированная история оружия 1999 по изд. Пер. с англ. «Поппури». Минск. 336 с.
26. Менков А. 2001. Фитильный замок. С.38-47 // Магнум 1'2001.
27. Бреполь Э. 1977. Теория и практика ювелирного дела «Машиностроение» ленинградское отделение. Л., 384 с.
28. Шнейдер Г.А. 1986. Основы художественной обработки металла «Высшая школа». Минск. 158 с.
29. Гутков Л.А. Никитин М.К. 1995. Справочник по художественной обработке металлов. «Политехника» Сп.б. 435 с.
30. Черкасов А.А. 1990. Записки охотника Восточной Сибири. Физкультура и спорт. М. 574 с.
31. Мейендорф Е.К. 1975. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Главная ред. Восточной литературы изд. «Наука» М. 180 с.
32. Федоров В.Г. 1940. История винтовки. Военное изд. народного комиссариата обороны Союза ССР. М. 127 с.
33. 2 ПСЗ. Т.26. отд. первое – В типографии II отделения собственной Е.И.В. канцелярии СПб 1868. 1079 с.
34. Васильев А., Яковлев М. 2000. Значение снайперского оружия. С.42-45 // Ружье 3'2000.
35. Федосеев С. 2000. Винтовки Sako модели 75. С. 16,17 // Магнум 12'2000.
36. Пржевальский Н.М. 1948. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. ОГИЗ - Государственное изд. географической литературы М. 406 с.
37. Аствацатурян Э.Г. 1995. Оружие народов Кавказа. Хоббикнига. М. 192 с.
38. Суханов И.П., Хабурзания М.В. 2000. Прицельщики и поджигатели или фитильные средства воспламенения заряда // Ружье. 3'2000. С.56-59.

39. Суханов И.П., Хабурзания М.В. 2000. Кремень как средство воспламенения порохового заряда оружия // Ружье. 4'2000. С. 61-63.
40. 2 ПСЗ. Т.41. отд.второе 1868 г. В типографии II Отделения собственной Е.И. В. канцелярии СПб. 537 с.
41. Федоров В.Г. 1938. Эволюция стрелкового оружия. Ч.1. Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР. М. 420 с.
42. Суханов И.П., Хабурзания М.В. 1999. Стрелковые боеприпасы в бумажной гильзе. Первая половина XIX в. // Ружье. 1'99. С.26-34.
43. Малов О. 1997. «Оленебой» Natti Vampo // Мастер-ружье. 5/6'1997 С.66-71.
44. Бродель Ф. 1986. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.1. Прогресс. М. 622 с.
45. Валиханов Ч.Ч. 1984. Составные части киргиз-кайсацкого пороха. Собр.соч в 5 т. Т.1. Главная ред. казахской советской энциклопедии. Алма-Ата. 432 с.
46. Суханов И.П., Хабурзания М.В. 1998. Фабрикация и приемка дымного пороха в XVIII- XIX вв. // Российский оружейный журнал, Ружье. 5'98. С.39-44.
47. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.3. 1903. Тургайская областная типография. Оренбург, 160 с.
48. Там же. Вып.2. 1903 Тургайская типо-литография. Оренбург, 159 с.
49. Там же. Вып.9. 1910. Типо-литография Б.Бреслина. Оренбург, 523 с.
50. Российские путешественники в Индии XIX начале XX вв. Документы и материалы 1990. Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука» М.301 с.
51. Тихомирова Е. В. 1995 Оружие коллекции Петра I Издательский дом «ТМ» М. 144 с.
52. Тойнби А. Дж. 1991. Постигение истории. Издательство Прогресс. М.731 с.

53. Маковская Л.К. 1992 Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV- XVIII вв. Военное издательство М. 200 с.

54. Водопьянов В.П. 1996 г. История 6-го Оренбургского казачьего полка. Культурно-просветительский центр. «Первопечатник» М.383 с.

55. Мавродин В.В. 1983 Русские историки и оружейники о пистолетах и револьверах в России в 40-60-х годах XIX в. С.188-196 // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Изд. Ленинградского ун-та. Л. 212 с.

56. Байм М. 1996 Доспехи и оружие. Дорлинг Киндерсли. М.64 с.

57. Погорельский И.В. 1984. История хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917-1924 гг. издательство ЛГУ. Л.228 с.

58. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып.7. 1907. Тургайская областная типография. Оренбург 472 с.

59. Уральские войсковые ведомости 1868 г. №25 16 июня.

60. Энгельс Ф. 1959. Французская легкая пехота. С.167-182. //К. Маркс и Ф.Энгельс Сочинения. Т.15. Государственное издательство политической литературы. М. 795 с.

61. Кобланды-батыр. 1975. // Героический эпос народов СССР. Т. 2. Издательство «Художественная литература», М. 575 с.

62. Манас. 1975. // Героический эпос народов СССР. Т. 2. Изд-во. Худлит. М.575 с.

63. Даль В.И. 1898. Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата. С. 193-211. // ПСС. Т. 7. Издания товарищества М.О. Вольф. СПб., М. 431 с.

64. Rytschkow Pjotr. 1983. Orenburgische Topographie Gustav Kiepenheuer Verlag Leipzig und Weimar. 230с.

65. Матвиевский П.Е. 1970. Русско-казахская экспедиция на Каратургай в 1814-1815 гг. с.161-188 // Ученые записки ОГПИ им. В.П.Чкалова. Выпуск 18. Общественные науки. Отв. редактор Л.И.Футорянский. Южно-уральское книжное издательство. Челябинск. 240 с.

66. Бехайм В. 1995. Энциклопедия оружия. Оркестр. СПб. 576 с.

67. Миямото Мусаси. 1999. Книга пяти колец. Евразия. СПб. 189 с.

68. Стивенсон Ян. 1997. Современное стрелковое оружие. Лилът. Минск. 187 с.

69. ГАОО Ф.6., Оп.18., Д.658.

Список иллюстраций:

Рис.1. Фитильные азиатские ружья конца XVIII первой половины XIX века.

Собрание Оренбургского областного краеведческого музея.

1.1. Фитильное азиатское ружье (9.1 мм). Инкрустация латуню

1.2. Дульный срез ствола. Масштаб 3:1

1.3. Устройство азиатского фитильного пружинного замка (по Маркевичу)

1.4. Фитильное азиатское нарезное ружье (9.1 мм). Инкрустация серебром (серебро сульфировано).

Рис.2. Фитильное азиатское нарезное ружье (14.4 мм). Собрание Оренбургского областного краеведческого музея. Набивная таушировка золотом.

2.1. Общий вид.

2.2. Дульный срез ствола. Масштаб 2,36:1.

2.3. Дульная часть ствола.

2.4. Средняя часть ствола.

2.5. Казенная часть ствола.

Рис.3. Азиатские воины с фитильными ружьями.

3.1. Знатный киргиз-кайсак с фитильным ружьем. По картине В.В. Верещагина «Богатый киргизский охотник с соколом», 1871 г.

3.2,3. Кокандские воины с врезок к карте боевых действий под Ак-Мечетью, 1853 г.

Н. Л. СЕМЕНОВА
СГПИ, Стерлитамак

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКИМ КРАЕМ

в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Важнейшей особенностью исторического развития России является наличие многочисленных и разнообразных окраин. Российская империя сформировалась в процессе освоения огромного пространственного массива. В XVIII в. к ней были присоединены густонаселенные территории Прибалтики и Украины, объектом интенсивной колонизации становится Оренбургский край. Государство проводило достаточно гибкую политику в национальных окраинах. Оно не стремилось сразу же после присоединения новых территорий вводить там общероссийскую систему управления и суда. На окраинах учреждались специфические, характерные для каждого района органы власти, привлекалась к управлению феодальная верхушка.

Специфика управления Оренбургским краем была связана с его важным стратегическим положением на границе России с кочевыми народами. Беспокойная обстановка на этих границах из-за частых набегов кочевников, медленное, но неуклонное распространение русских владений на юг, привели к созданию не-

скольких линий пограничных укреплений, получивших название «Оренбургская пограничная линия». Она протянулась от Каспийского моря до р. Тобол. На ней были расположены крепости, форпосты и редуты. Крепости служили опорными пунктами борьбы с башкирскими восстаниями, базами по снабжению войск боеприпасами и продовольствием. Цепь укрепленных поселений оградила население Оренбургского края от набегов кочевников, открыла широкие возможности для установления торговых и экономических связей с Казахстаном и Средней Азией, для хозяйственного освоения края.

Особенностью социальной структуры Оренбургского края являлось значительное число нерусского, а также военного и полувоенного населения. По данным пятой ревизии (1795 г.) в Оренбургской губернии проживало 426 619 душ м. п.¹. Численность иррегулярных и регулярных войск равнялась соответственно 62 722 и 18 726 человек. В последней четверти XVIII в. насчитывалось около 200 тысяч башкир². Регулярные войска, казаки, башкиры и мишари выполняли зада-

чи по охране Оренбургской пограничной линии. Присутствие значительных военных сил способствовало сосредоточению в руках главного начальника края и гражданского, и военного управления.

Необходимость такого совмещения объяснялась обширностью Оренбургского края. В течение первой половины XIX в. его территория непрерывно увеличивалась и к середине XIX в. она включала территорию Оренбургской губернии, земли Уральского казачьего войска, приуральские кочевья казахских жузов, территорию Новолинейного (от Орска до р. Уй) и Ново-Илекского (в междуречье Урала, Бердянки и Илека) районов. Границы края на севере определялись реками Кама и Исеть, на юге доходили до Гурьева города и северного побережья Каспийского моря, на востоке — до р. Тобол, на западе — до Самары и Ставрополя. Общая площадь края составляла 444 326 кв. верст³. Только сильная и централизованная власть могла обеспечить эффективное управление таким пестрым в социальном и этническом отношении районом. Именно поэтому, начиная с 30–40-х гг. XVIII в. управление Оренбургским краем приобретает военный характер. Характерными особенностями которого были большая самостоятельность местной администрации, ее строгая централизация, слияние военного и гражданского управления.

В конце XVIII в. правительство Екатерины II предприняло реформу местного управления. Она была вызвана несколькими причинами. События Крестьянской войны 1773–1775 гг. показали, что требуется дальнейшая централизация государственного управления, усиление администрации на окраинах. Именно война ускорила проведение административных преобразований в государстве. Кроме того, прежние стремления центральных властей подчинить себе губернаторов и других должностных лиц губернии привели к мелочной регламентации и ограничению власти представителей местной администрации. Они оказались неспособными решать многие вопросы. Функции ведомств в губернском управлении были недостаточно четко разграничены, не были выработаны правила взаимоотношений между ними. Губернаторов также беспокоило их собственное положение. В адрес Екатерины II поступали многочисленные наказания и прошения, авторы которых считали, что пределы власти губернаторов очень узки и несовместимы с положением «хозяина и опекуна»⁴.

После подавления Крестьянской войны, царское правительство решило окончательно замирить Оренбургский край и установить контроль над башкирским населением со стороны губернских административных учреждений.

В 1779 г. Екатерина II отступи-

ла от первоначального плана губернской реформы и признала разделение России по губерниям нецелесообразным. Она стремилась усилить контроль за местной администрацией. Было «высочайше повелено» учредить наместничества, состоящие из нескольких областей и подчинявшиеся особым генерал-губернаторам. Генерал-губернаторское управление было основано на полномочиях, определенных самой императрицей. Оно должно было, с одной стороны, усилить контроль за губерниями, а с другой — обеспечить прямую связь их с правительством⁵.

В 1781 году Екатерина II составила новое расписание губерний. Она разделила Российскую империю на 40 губерний, из которых предполагалось образовать 20 наместничеств. Приблизительно на каждое наместничество приходилось по 2 губернии. Каждые два–три наместничества были объединены под властью одного генерал-губернатора⁶. Такой порядок позволял усилить контроль за состоянием губернии, не прибегая к значительному увеличению штатов.

Новое административное устройство вводилось постепенно. 18 мая 1781 г. вышел именной указ Екатерины II о подготовке материалов для устройства Уфимского наместничества вместо прежней Оренбургской губернии⁷. В соответствии с новым планом административных преобразований императрицы, именной указ, дан-

ный Сенату 13 июня 1781 года, объявил об образовании Уфимского и Симбирского генерал-губернаторства, состоявшего из Уфимского и Симбирского наместничеств⁸. Управление новым генерал-губернаторством было передано уфимскому и симбирскому генерал-губернатору генерал-поручику Ивану Варфоломеевичу Якоби⁹.

Уфимское наместничество состояло из двух областей — Уфимской и Оренбургской, которые делились на 12 уездов. Уфимская область включала 8 уездов — Уфимский, Бирский, Стерлитамакский, Мензелинский, Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский, Челябинский. В Оренбургской области было 4 уезда — Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский, Сергиевский. Города Уральск и Гурьев были переданы Астраханской губернии¹⁰. Столицей наместничества стал город Уфа, занимавший выгодное центральное положение в крае, что давало возможность беспрепятственно устанавливать сообщение с самыми отдаленными уездами и обеспечивать контроль за деятельностью правительственных учреждений.

В апреле 1782 года состоялось открытие Уфимского наместничества, а 27 мая 1782 года — Оренбургской области¹¹.

Согласно «Учреждению для управления губернии Всероссийской империи» 1775 года центральной фигурой местной администрации стал генерал-губерна-

тор. Эта должность носила особенный характер, определявшийся порядком назначения на нее и размерами власти. Кандидаты на эту должность подбирались самой Екатериной II из людей, которым государыня особенно доверяла. Генерал-губернатор имел право непосредственного доклада императрице, подчинялся ей, Сенату, Военной коллегии¹².

Первым уфимским и симбирским генерал-губернатором был назначен генерал-поручик Иван Варфоломеевич Якоби. В крае он пробыл два года, а в 1783 году уехал в Сибирь в связи с новым назначением. Вместо И. В. Якоби уфимским и симбирским генерал-губернатором стал генерал-поручик Аким Иванович Апухтин. Дольше всех должность генерал-губернатора Оренбургского края занимал барон Осип Андреевич Игельстром. Первый раз он находился в крае с 1784 по 1792 год, а второй раз — с начала 1797 — уже в должности военного губернатора. После своего отъезда в столицу в 1789 году О. А. Игельстром вплоть до 1792 года формально находился во главе края. Фактически исполняющим обязанности генерал-губернатора являлся правитель Уфимского наместничества генерал-майор Александр Александрович Пеутлинг. В 1792 г., после перевода барона О. А. Игельстрема в Псков, уфимским и симбирским генерал-губернатором был назначен А. А. Пеутлинг, который нахо-

дился в крае до конца 1794 г. В 1795 г. главным военным начальником края стал генерал-поручик Сергей Кузьмич Вязьмитинов, которого принято считать последним уфимским и симбирским генерал-губернатором, поскольку после административных реформ 1796 г. главный начальник Оренбургского края именовался военным губернатором¹³.

По штату Уфимского наместничества, утвержденному 24 декабря 1781 г., генерал-губернатору полагалось жалование в размере 6 000 рублей в год и столовые деньги. Для успешного выполнения многочисленных функций, в том числе и по военному управлению, при генерал-губернаторе должны были состоять два адъютанта. Права и обязанности их подробно не регламентировались. Предполагалось, что они выполняют все распоряжения генерал-губернатора¹⁴. Кроме адъютантов при генерал-губернаторе находился один секретарь, на котором лежало все делопроизводство. Таким образом, главный военный начальник края имел свою канцелярию, состоявшую из адъютантов и секретаря. Она существовала независимо от наместнических правлений в Симбирске и Уфе. В канцелярии генерал-губернатора была сосредоточена вся переписка по вопросам управления краем¹⁵.

Основным органом управления Оренбургским краем являлось наместническое правление. В его состав входили генерал-губернатор, правитель наместни-

ческого правления, два члена и писарь. Уфимское наместническое правление выполняло многочисленные функции: руководило областными палатами и приказами, контролировало полицейские органы, принимало отчеты и рапорты от учреждений наместничества, назначало служащих в уездные и областные органы, контролировало несение населением натуральных, денежных, военных и других повинностей, осуществляло прием рекрут¹⁶. Правление должно было следить за исполнением законов, «чинить взыскания со всех непослушных, сохранять благонравие, порядок, мир и тишину»¹⁷.

В Уфимском наместничестве были созданы палаты уголовного суда, гражданского суда и казенная палата. Палата уголовного суда занималась рассмотрением уголовных дел. Ревизия гражданских дел была сосредоточена в палате гражданского суда. Решения палат уголовного и гражданского суда поступали на утверждение генерал-губернатору.

Самой сложной по выполняемым функциям и многочисленной по составу служащих была казенная палата. Ее председателем являлся поручик правителя (или вице-губернатор). Казенная палата делилась на шесть экспедиций: первая занималась сбором налогов, податей; вторая экспедиция ведала таможенными делами. Третьей экспедиции поручались все казенные заводы. Четвертая заведывала частными заводами,

озерами, варницами соляными и магазинами. Пятая составляла ревизионные книги о числе душ в наместничестве, о рекрутских наборах, о переводе людей из губернии в губернию. Шестая экспедиция готовила сведения о приходе и расходе денежных средств, проводила ревизию счетов. В седьмой экспедиции были сосредоточены дела о перевозках и состоянии мостов, о всех казенных и «публичных» строениях. В состав каждой экспедиции входили экспедиторы и ассессоры¹⁸.

Кроме того, казенная палата занималась делами о дворцовых, государственных, экономических крестьянах, следила за своевременным сбором доходов, обеспечивала заготовку соли как для своей губернии, так и для государственных запасов, контролировала, чтобы с населения не производили не установленные сборы¹⁹.

Члены казенной палаты ежемесячно производили осмотр хлеба в магазинах наместничества и контролировали состояние казны. Результаты проверок представлялись генерал-губернатору.

При Уфимском наместническом правлении был создан приказ общественного призрения, опекавший работу школ, медицинских и благотворительных домов.

Судебная система Уфимского наместничества носила сословный характер. Дела дворян рассматривались в верхнем земском суде, горожан — в губернском ма-

гистрате. Верхняя расправа решала дела крестьян, тептярей и бобылей. В уезде были образованы нижние земские суды, выполнявшие полицейские и судебные функции.

Реформы второй половины XIX в. практически не затронули крестьянское самоуправление. У башкир самоуправление оставалось волостным. Во главе волостей находились старшины, которые подбирались на должности чиновниками местных государственных учреждений, а затем утверждались генерал-губернатором. Для башкирских волостей все губернские учреждения были распорядительными. Однако говорить о полной ликвидации башкирского самоуправления не приходится. Башкирские старшины активно пользовались правом посылать жалобы, прошения в наместническое правление, лично генерал-губернатору по самому широкому кругу вопросов²⁰.

Составной частью системы государственных учреждений края являлось Оренбургское духовное магометанское собрание. Указ о его учреждении в Уфе был подписан Екатериной II 22 сентября 1788 г. Инициаторами принятия этого закона были генерал-губернатор барон О.А.Игельстром и советник наместнического правления Д.В.Мертваго. Генерал-губернатор предлагал возложить на это новообразование прием экзаменов у претендентов на духовные должности. Окончательное

утверждение в звании ахуна, муллы или муэдзина должно было производить наместническое правление. Тем самым генерал-губернатор хотел установить более жесткий контроль местной администрации за мусульманским духовенством²¹. 22 сентября 1788 г. Екатерина II подписала положение о «Духовном магометанского закона собрании», в котором указывалось, что оно находится «под ведомством и указом наместнического правления и равняется со средними судебными местами»²². Таким образом, процедура определения в должность служащих религиозного культа была целиком поставлена под контроль местной администрации, а Оренбургское духовное магометанское собрание стало одним из элементов системы государственного управления.

Губернская реформа, принятая Екатериной II в конце 70 – начале 80-х гг. XVIII в. решала несколько задач. С одной стороны, она должна была упорядочить структуру местного управления, повысить ее эффективность и привести в соответствие с новыми условиями жизни. С другой стороны, она была направлена на дальнейшую централизацию государства и приближение управления окраинами к общероссийской структуре.

В результате осуществления «Учреждения для управления губерний Российской империи» 1775 г. власть администрации Оренбургского края стала более

централизованной и хорошо организованной. Сложилась своеобразная иерархическая лестница во главе с генерал-губернатором. Право императрицы назначать начальников края из числа наиболее доверенных и влиятельных лиц государства, сосредоточение в их руках всех функций надзора, привели к усилению контроля за местной администрацией и состоянием края.

Вместе с тем, система органов власти Уфимского наместничества имела ряд особенностей. Наместнические учреждения рассматривали и решали дела не только гражданского, но и военно-служилого населения. Составным элементом системы государственных органов края стало Оренбургское духовное магометанское собрание. Сохранение этих особенностей еще раз подчеркивало своеобразное положение Оренбургского края в составе России.

Управление военным населением края, в состав которого входили все регулярные и иррегулярные войска, было сосредоточено в руках генерал-губернатора. «Учреждение для управления губерний Российской империи» 1775 г. гласило: «Если наместничество пограничное, то генерал-губернатору подлежит бдение и предосторожности от соседей, и он в случае нужды берет надлежащие меры военные»²³. По военным вопросам генерал-губернатор подчинялся Военной коллегии. Самой главной обязанностью

главного военного начальника края являлась забота о безопасности Оренбургской пограничной линии и расположенных на ней укреплениях. Именной указ «Об устройстве Уфимской губернии», данный генерал-поручику И.В. Якоби 14 января 1781 г., гласил: «...за исключением гг. Уральска, Гурьева, устья р. Эмбы, прикрытие границ по течению этой реки, соединению учрежденных линий и прочих укреплений относится к попечению Вашему»²⁴. Часть пограничной линии проходила по Астраханской губернии и службу на ней несли уральские казаки. С 1781 г. их земли отошли к Астраханской губернии, однако по пограничным и военным делам они остались в ведении уфимского и симбирского генерал-губернатора²⁵.

Обязанностью главного военного начальника являлось распределение регулярных войск по Оренбургской пограничной линии. Их численность постоянно менялась в зависимости от разных обстоятельств. Летом на линии войск было больше, чем в зимнее время. На увеличение или уменьшение численности сил влияли международная обстановка, характер отношений между Россией и казахскими жузами, среднеазиатскими ханствами. Расписание войск на пограничной линии, составленное генерал-губернатором, поступало на утверждение в Военную коллегию. Помимо регулярных войск к охране линии были привлечены иррегу-

лярные войска: башкиры, казаки. Именно за счет нерегулярных войск происходило увеличение числа служащих на пограничной линии.

Управление военными и полувоевными категориями населения наряду с генерал-губернатором, осуществляли оренбургский обер-комендант, бригадные командиры, дистанчные начальники, коменданты крепостей, командиры регулярных войск.

Большие полномочия имел оренбургский обер-комендант. Он был начальником над гарнизонами и крепостями, подчинялся непосредственно генерал-губернатору. Главной задачей обер-коменданта являлось обеспечение безопасности пограничной линии. Он следил за организацией охраны оборонительных укреплений, за порядком в крепостях. Обер-комендант мог отдать команду о высылке в степь вооруженного отряда для преследования и захвата преступников, совершавших набеги на крепости и угонявших людей. Кроме него такое право имел только генерал-губернатор. В то же время, обер-комендант обязан был отчитываться перед главным военным начальником за все принятые решения. Как говорилось в сенатском указе от 31 марта 1786 г., «оренбургскому обер-коменданту не дано власти областного командира»²⁶. Наряду с военными, он выполнял пограничные и полицейские функции.

В 1782–1784 гг. обер-комен-

дантом Оренбургской области был генерал-майор Ладыженский²⁷. Его сменил на этом посту генерал-майор Зембулатов, занимавший эту должность до 1793 г. Затем обер-комендантом стал генерал-поручик Х. А. фон Трейден.

Все регулярные и нерегулярные войска, находившиеся в крае, были разделены на бригады во главе с бригадными командирами. За каждой бригадой был закреплен определенный участок пограничной линии с крепостями, форпостами, редутами и артиллерийскими орудиями. Бригадными командирами могли быть только офицеры регулярной армии.

С целью упорядочения гарнизонной и сторожевой службы, централизации управления военными силами, пограничная линия была разделена на дистанции во главе с дистанчными начальниками. Им подчинялись все регулярные и нерегулярные войска, дислоцированные в данной местности. Начальники дистанции ежемесячно докладывали генерал-губернатору о состоянии войск, они регулярно устраивали смотры военных команд, производили судебные разбирательства, отстраняли виновных чиновников от должности, контролировали сбор податей, выполнение повинностей и общественных работ.

В крепости, находящиеся на пограничной линии и внутри нее, назначались коменданты. Эта должность была учреждена в

1771 г.²⁸. Коменданты подчинялись дистанчным начальникам, бригадным командирам и генерал-губернаторам по всем военным и пограничным делам. Они управляли гарнизонами крепостей, следили за порядком в них, отвечали за состояние пикетов, разъездов. На комендантов возлагалось снабжение крепостей всем необходимым: фуражом, продовольствием, обмундированием. Именно коменданты принимали и размещали прибывшие на летнюю службу регулярные роты, башкирские и мишарские команды. На комендантах лежала вся организация военной службы в крепостях²⁹.

Коменданты были наделены и полицейскими функциями. Они следили за порядком и тишиной. Без их разрешения нельзя было приходить в крепость или покидать ее³⁰. По полицейской части коменданты подчинялись наместническому правлению и его правителю. Такой порядок создавал некоторые неудобства, поскольку комендантам крепостей приходилось готовить несколько отчетов и донесений: в наместническое правление, дистанчным начальникам. В случае особой необходимости, они могли обратиться напрямую к генерал-губернатору³¹.

Непосредственное руководство регулярными войсками в крае осуществляли командиры. Пределы власти каждого из них определялись инструкциями. Военные командиры также подчинялись генерал-губернатору. Он

контролировал исправное прохождение службы всеми чинами, следил за размещением войск на квартирах, состоянием лазаретов. На него была возложена закупка провианта и фуража для расположенных в крае войск³². Все приказы Военной коллегии поступали сначала к генерал-губернатору, а потом доводились им до сведения командиров регулярных войск.

Генерал-губернатор осуществлял управление казачьими войсками края. Он утверждал должностных лиц низшего, среднего и высшего звеньев войскового управления, делал представления в Военную коллегию относительно кандидатов на должность войскового атамана³³. Повседневная служба казаков определялась командирами крепостей и форпостов и осуществлялась под их контролем. Казаки целиком зависели от офицеров регулярной армии. Оренбургское казачье войско, в отличие от Уральского, было создано в административном порядке и находилось под непосредственным и постоянным руководством генерал-губернатора и контролем центральных властей. Во главе войска находился атаман. Ему помогали войсковой есаул и писарь. Все вместе они составляли войсковую избу, которая не наделялась функциями верховного казачьего органа, а являлась лишь исполнителем всех предписаний центральных и губернских государственных ведомств³⁴.

После подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, уральские казаки прошли суровую школу «огосударствления». Общинная самостоятельность Уральского казачьего войска фактически перестала существовать, круги были отменены, назначение войскового атамана предоставлено исключительно высочайшей воле, состав войсковой канцелярии обязательно согласовывался с главным военным начальником края. В 1775 г. у Уральского войска была отобрана вся артиллерия; в его столице размещался крупный гарнизон регулярных войск³⁵. Управление войсками перешло в руки коменданта регулярного уральского гарнизона. Такой порядок сохранялся недолго. В 1784 г. комендантское управление было ликвидировано. Непосредственное командование войском возлагалось на атамана и войсковую канцелярию, в члены которой определялись старшины по представлению главного военного начальника края. Уфимский и симбирский генерал-губернатор осуществлял военное и пограничное командование над уральскими казаками³⁶.

На Оренбургской пограничной линии служили башкиры, мишари, тептяри. Военная служба являлась главной повинностью башкирского населения, которую они выполняли с момента образования Оренбургской пограничной линии. Башкиры и мишари наряжались на военную службу по

очереди. За порядком в нарядах следил капитан-исправник. Башкирские и мишарские старшины должны были оказывать помощь капитан-исправнику в организации башкир и мишарей на линейную службу, проверять у наряжаемых лошадей, вооружение и наличие продовольствия, контролировать, чтобы возраст наряжаемых был от 20 до 50 лет³⁷. Походные старшины сопровождали военные команды к месту службы. Они обеспечивали воинов провиантом и фуражом, следили за порядком. Прибыв на место службы, башкиры и мишари поступали под командование офицеров регулярной армии. Крепостные коменданты и дистаночные начальники осуществляли общее командование и определяли порядок прохождения службы. На период службы они выполняли судебные и полицейские функции. Местное военное командование полностью контролировало несение службы нерегулярными войсками. Каждую неделю башкирские старшины подавали комендантам крепостей и дистаночным начальникам рапорты о состоянии команд. Последние, в свою очередь, составляли донесения и рапорты оренбургскому обер-коменданту и генерал-губернатору. Утверждение башкир и мишарей в воинских званиях и должностях осуществлялось генерал-губернатором³⁸.

Таким образом, в 80–90-е гг. XVIII в. управление военными силами Оренбургского края

осуществляли генерал-губернатор, обер-комендант, атаманы Оренбургского и Уральского казачьих войск, бригадные командиры, дистаночные начальники, коменданты крепостей. Это была достаточно стройная система управления, которая позволяла решать задачи по обеспечению безопасности юго-восточных границ государства и осуществлять командование военными силами, организованными на принципиально разной основе. Центральной фигурой системы военного управления являлись генерал-губернатор. Он не только выполнял все приказы Военной коллегии и императрицы, но и сам формировал политику правительства в этом районе. По его инициативе проводились изменения в расположении войск, предпринимались реформы по усилению пограничной линии. Предметом его постоянной заботы было снабжение войск всем необходимым: продовольствием, боеприпасами. Вместе с тем, обязанности генерал-губернатора были настолько обширны, что многие так и оставались только на бумаге. Кроме того, сосредоточение функций военного управления в руках отдельных начальников создавало условия для возникновения разного рода злоупотреблений.

В 80–90-х гг. XVIII в. уфимский и симбирский генерал-губернатор являлся проводником российской политики в Казахстане. Начало добровольного присоединения Казахстана к России было

положено в 30-х годах XVIII в. В 1731 г. была объявлена зависимость Младшего жуза от России, а в 1740 г. российское гражданство принял Средний жуз³⁹. После присоединения новых территорий в структуре органов управления Оренбургским краем произошли изменения. Они были связаны с тем, что правительство установило штат чинов для «отправления пограничных дел» и управления казахскими жузами⁴⁰. Согласно именному указу от 14 января 1782 г. штат включал должности одного коллежского секретаря, трех переводчиков и канцеляристов. Чиновники по пограничным делам состояли при уфимском и симбирском генерал-губернаторе⁴¹. Кроме того, в 1782 г. была образована Оренбургская пограничная экспедиция. В ее состав вошли оренбургский обер-комендант, надворный советник, один секретарь, переводчики и канцелярские служители (всего 6 человек). Оренбургская пограничная экспедиция стала органом, осуществлявшим управление казахскими жузами. Она подчинялась уфимскому и симбирскому генерал-губернатору. Непосредственное руководство экспедицией осуществлял обер-комендант.

В обязанности пограничной экспедиции входил сбор сведений о положении казахских жузов, о настроениях и действиях ханов, родовых старшин, состоянии караванных путей, случаях захвата людей, утона лошадей и т. п. По

этим и другим вопросам члены экспедиции составляли подробные отчеты главному военному начальнику края. Экспедиция планировала походы в степь, определяла сроки отправления торговых караванов в Среднюю Азию. Пограничные власти решали вопросы об установлении жалованья казахской администрации. В случае, если хан жуза или султан рода начинал проводить независимую политику, то пограничные власти добивались его низложения, либо уменьшали жалованье.

Оренбургская пограничная экспедиция организовывала выборы ханов, контролировала назначение старшин⁴², планировала и проводила меры, направленные на возвращение угнанных в плен людей. В начале 80-х гг. XVIII в. участились случаи захватов в плен российских граждан. Это заставило императрицу Екатерину II составить письмо генерал-губернатору генерал-поручику А.И.Апухтину от 7 июля 1783 г., в котором она писала, что нападения казахов не могут происходить без причины. Она предписала генерал-губернатору собрать необходимые сведения по этому вопросу и составить отчет. Сама императрица в качестве наиболее возможной причины считала поведение крепостных комендантов, дистанционных начальников и указывала, что «может быть они совершают дерзости против киргизов?»⁴³.

Екатерина II была убеждена, что казахов можно только на вре-

мя утратить «поиском воров» и чрезвычайными мерами. Если же наказание коснется невинных, то это приведет только к озлоблению и жажде мести со стороны казахов. Еще в 1776 г. государыня писала оренбургскому губернатору И.А.Рейнсдорпу: «Искусство правящего должность генерал-губернатора не в том состоит, чтобы все распоряжать силою и властью военной, но кротким и твердым исполнением законами предписанного поставить себя и правительство в такое положение, чтоб и у дичайших народов приобрести доверенность в пользу империи»⁴⁴. Поэтому коменданты крепостей, дистанционные начальники должны наказывать виновных, «взяток ни с кого не брать и притеснений не делать».

2 мая 1784 г. уфимскому и симбирскому генерал-губернатору А.И.Апухтину был дан именной указ «О мерах укрощения своевольства киргиз-кайсаков»⁴⁵. Он представлял собой программу и принципы деятельности местной администрации по пограничным вопросам. Указ требовал от генерал-губернатора привлекать к суду и наказывать людей, виновных в грабежах и нападениях на казахов. Центральным местом данной программы стало положение об учреждении в Оренбурге Пограничного суда. Он создавался для рассмотрения дел, касавшихся казахов и прилинейных жителей. Планировалось, что в состав суда войдут: обер-комендант, двое судей из числа россий-

ских офицеров, двое местных купцов, двое из числа поселян казенного ведомства, представители казахской стороны – один султан и шесть старшин разных поколений. Всех членов пограничного суда через три года следовало переизбирать⁴⁶.

Указ 2 мая 1784 г. закрепил основные принципы политики России по отношению к казахским жузам. Они состояли в установлении доброжелательных соседских отношений, привлечении влиятельных казахских султанов и старшин на сторону России высоким жалованьем и подарками, постепенном приближении системы управления казахской степью к общероссийской. Пограничному суду отводилась роль главного органа по управлению Младшим жузом. Он должен был выполнять и функции прокурорского надзора.

В 1785 г. Младший жуз был разделен на три части или «главные орды»: Каракисляцкую, Байулинскую, Семиродскую. К ним были присоединены все остальные роды. В каждой из орд состоялись выборы «главных старшин», которым поручалось общее наблюдение за своими родами⁴⁷. Упразднение ханской власти стало результатом многочисленных выступлений казахских родовых старшин против «своевольства» и беззаконий хана Младшего жуза Нурали. Генерал-губернатор О.А.Игельстром и центральные власти в столице посчитали, что лучше совсем упразднить ханс-

кую власть в Младшем жузе, чем допустить избрания Каип-хана, известного своими антироссийскими настроениями.

3 октября 1786 г. в Оренбурге был открыт Пограничный суд. Его состав был определен в точном соответствии с именным указом от 2 мая 1784 г. 20 октября 1786 г. в трех главных родах были открыты Расправы для ведения судебных разбирательств. В состав каждой из них вошли председатель или расправный судья, два заседателя, мулла для ведения письменных дел, помощник⁴⁸.

Расправы получили инструкцию, составленную генерал-губернатором. В ней говорилось, что цель учреждения Расправы – отправление правосудия по уголовным и гражданским делам. Расправа должна принимать иски, жалобы от казахов, рассматривать их и выносить решение, обязательное для всех членов рода. На Расправу возлагалось обнародование всех распоряжений генерал-губернатора. Она должна была предотвратить набеги казахов и захваты людей. Нарушителей Расправа подвергала суду. Ее заседания происходили в присутствии всех членов. Расправа подчинялась Пограничному суду и выполняла все его указания⁴⁹.

Учреждение Пограничного суда и Расправ вызвало одобрение Екатерины II. Однако она предписала О.А.Игельstromу увеличить количество расправ, так как существующих трех явно недостаточно.

Учреждение Пограничного суда и Расправ способствовало дальнейшему приближению управления казахскими жузами к общероссийской системе, установленной «Учреждением для управления губерний Российской империи» 1775 г. Вместе с тем, Россия стремилась делать это последовательно, учитывая особенности исторического развития казахского народа, его традиции. В состав всех новых учреждений обязательно входили представители местного населения, наиболее влиятельная его часть. Была предпринята попытка построить управление на принципах выборности. Однако среди казахского населения были очень сильны традиции сохранения власти в руках влиятельных родовых старшин, биев, султанов. Поэтому нередко были случаи, когда за подарки и угощения выбирали кого попало, и в составе Расправ оказывались невежественные и малограмотные люди, не имевшие никакого представления о своих обязанностях.

Важнейшая задача пограничных властей во главе с генерал-губернатором состояла в поддержании «тишины и спокойствия» в казахских жузах. В случае необходимости главный военный начальник края высылал в степь вооруженные отряды казаков. Так, в начале 90-х гг. XVIII в. среди казахов начались «волнения», в степи появился какой-то «магометанин», называющий себя Шах-Мансуром и утверждаю-

щий, что он послан аллахом защищать правоверный народ от русских. Он рассылает влиятельным родовым старшинам свои «святые письма» и призывает их к восстанию против России⁵⁰. Исполняющий должность генерал-губернатора А. А. Пеутлинг отправил предписание по всем крепостям Оренбургской пограничной линии: следить за передвижениями и действиями казахов. Вскоре выяснилось, что возмутителем спокойствия является татарин, бежавший из Уральского войска, который уже 2 года «шатается» по степи и пытается поднять народ на восстание. Казахским старшинам были сделаны серьезные наставления. Кроме того, атаман Уральского казачьего войска Донсков усилил кордоны на Нижне-Уральской линии. В степь были отправлены отряды казаков. Они не могли углубляться далеко в степь, чтобы не подвергаться опасности, но в случае необходимости должны были пресечь беспорядки⁵¹. К 1792 г. в казахской степи было восстановлено некоторое спокойствие.

В 80–90-е гг. XVIII в. происходят важные изменения в порядке управления казахскими жузами. Если в середине XVIII в. Россия не стремится серьезно преобразовать структуру управления степью, то к концу века создаются специальные органы по управлению жузами: Оренбургская пограничная экспедиция, Пограничный суд, Расправы. Императрица Екатерина II отстаивала

принципы добрососедства и сотрудничества по отношению к казахам, строгого соблюдения закона местными властями. Именно такая мирная политика могла привести к укреплению позиций России в крае и установлению крепких торговых связей со Средней Азией.

Таким образом, в конце XVIII в. в Оренбургском крае сохранялась особенная, военная система управления, которая отличалась сосредоточением всех функций военного управления в руках главного военного начальника края. В результате реформ Екатерины II вся власть находилась в руках уфимского и симбирского генерал-губернатора. Система органов власти в крае была построена по общероссийской схеме. Однако полностью преодолеть различия не удалось. Генерал-губернатор не только осуществлял надзор за ходом работы всех правительственных и судебных учреждений края, являлся «оком государыни», но и командовал регулярными силами, иррегулярными войсками, ведал пограничными делами, разрабатывал политику по отношению к казахским жузам.

Губернская реформа, принятая Екатериной II в 1775–1781 гг., обнаружила к середине 90-х гг. XVIII в. ряд недостатков. Генерал-губернатор (или государев наместник) располагал слишком большой единоличной властью. Наблюдалось совмещение в его руках административных, су-

дебных, контрольных функций. Власть наместнического правления была неопределенной и носила формальный характер. Оно скорее являлось еще одной канцелярией генерал-губернатора, поскольку окончательное решение всех дел оставалось за ним.

Павел I, пришедший к власти в 1796 г., ликвидировал наместничества, несколько губерний, а половину из них фактически «перекроил». Он также несколько изменил структуру местного управления: должность генерал-губернатора была упразднена, во главе местной администрации стал губернатор. Кроме того, Павел I ввел должность военных губернаторов. Они назначались только в некоторые губернии и области, находящиеся на особом положении в государстве⁵². К их числу относились пограничные губернии, районы, где дислоцировались значительные военные силы, столицы.

Административные преобразования затронули и Оренбургский край. Согласно именному указу Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии» Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию⁵³. Она состояла из 10 уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бузулукского. Белебеевский и Бугурусланский уезды были упразднены.

23 марта 1797 г. центр новой губернии был перенесен из г. Уфы в г. Оренбург⁵⁴. Он стал местом пребывания администрации края. Однако вскоре обнаружилось, что выбор Оренбурга в качестве новой столицы неудачен: не хватало зданий для государственных учреждений, город находился в значительном удалении от уездов. В 1802 г. было решено все губернские учреждения перевести снова в Уфу и сделать ее местом пребывания гражданского губернатора. Военный губернатор продолжал оставаться в г. Оренбурге⁵⁵. Согласно штату Оренбургской губернии, утвержденному 31 декабря 1796 г., местная администрация состояла из военного и гражданского губернаторов⁵⁶. Военный губернатор находился во главе всего Оренбургского края, а гражданский – ведал делами гражданского управления в пределах собственно Оренбургской губернии и подчинялся военному губернатору. Последнего в официальных документах называли также «главным военным начальником» края.

Назначения на должность военных губернаторов производил только император. Из семи военных губернаторов, занимавших этот пост в 1796–1851 гг., один был генерал-майором, один – генерал-лейтенантом, один – генералом от кавалерии и четверо – генералами от инфантерии.

Военный губернатор барон Осип Андреевич Игельстром, ранее уже служивший в крае в ка-

честве генерал-губернатора, прибыл в Оренбург 29 января 1797 г.⁵⁷ Во второй раз он недолго пробыл военным губернатором края. 10 сентября 1798 г. он был уволен в отставку, а на его место назначен генерал-майор Николай Николаевич Бахметьев. Он занимал должность Оренбургского военного губернатора до 1803 г. Его сменил генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский, пользовавшийся особым расположением императора Александра I за доблестную службу России, участие во многих военных компаниях. Кроме того, Г. С. Волконский был «восприемником от купели» императора при крещении. В 1817 г. Г. С. Волконский после отставки уехал в столицу.

Весной 1817 г. оренбургским военным губернатором был назначен генерал-лейтенант Петр Кириллович Эссен⁵⁸. После его отъезда, в 1830 г. управлять краем должен был генерал-лейтенант Е. А. Головин. Но он отказался от своего назначения и в Оренбургский край не поехал.

Военным губернатором стал генерал-лейтенант граф Павел Петрович Сухтелен. Современники считали его «высокообразованной и высоконравственной личностью», отзывчивым, доступным и гуманным человеком. После длительного периода «своеволий и злоупотреблений лиц, окружавших П. К. Эссена, люди увидели совершенно иного военного губернатора», – писал С.Н.

Севастьянов⁵⁹. П. П. Сухтелен очень недолго управлял краем: многочисленные ранения не прошли бесследно и в марте 1833 г. он скончался.

В Оренбург в качестве нового военного губернатора прибыл генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский. Писавшие о В. А. Перовском отмечали прямоту его характера, отсутствие лести, самостоятельность суждений⁶⁰. Эти качества позволили Василию Алексеевичу окружить себя умными, деятельными чиновниками и сделать много полезного для Оренбургского края. После неудачного Хивинского похода 1839 г., в 1840–1841 г. произошло ухудшение здоровья В. А. Перовского и он уехал на лечение за границу.

Новым военным губернатором был назначен генерал от инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев⁶¹, служивший в Новгороде начальником дивизии. Он прослужил в крае до весны 1851 г., а затем был назначен присутствующим в Сенате и уехал в столицу.

Управление краем вновь было передано В. А. Перовскому. Во второй раз во главе края он был в должности оренбургского и самарского генерал-губернатора. 6 декабря 1850 г. была образована Самарская губерния она объединила Бугульминский, Бугурус-ланский, Бузулукский уезды Оренбургской губернии с некоторыми заволжскими уездами Саратовской и Симбирской губер-

ний⁶². Самарская и Оренбургская губернии были объединены в одно генерал-губернаторство во главе с оренбургским и самарским генерал-губернатором. Оно просуществовало с 1851 по 1881 гг.

Личные встречи императора с военными губернаторами происходили нечасто. Чаще всего они случались при получении нового назначения. Кроме того к середине XIX в. сложилось правило, согласно которому, главный военный начальник края, желая получить аудиенцию царя, подавал заявление в Департамент общих дел МВД. Эта процедура находилась под контролем у министра внутренних дел. На разговор с царем предоставлялось не более пяти-шести минут. При таких условиях трудно было проинформировать монарха о вверенной губернии или обсудить важный вопрос. Поэтому военные губернаторы придавали огромное значение своему праву представлять Его Величеству годовой отчет. В нем губернаторы обращали внимание царя на нужды своих губерний. Отметки монарха на полях отчета обсуждались Комитетом министров и могли стать причиной преобразований. К середине XIX в. была четко определена структура всеподданнейших отчетов. Они состояли из двух частей: первая, собственно отчет, была личным представлением начальника края императору, вторая содержала большое количество статистической информации. Начальники губерний обяза-

тельно получали копии замечаний монарха⁶³.

Военный губернатор управлял обширным оренбургским краем через свою канцелярию. Согласно штату новой Оренбургской губернии образованной в 1796 г., канцелярии военного губернатора пришли на смену канцелярии генерал-губернатора. Во главе ее находился правитель, а в состав вошли 2 столоначальника, штат писцов и секретарей⁶⁴. По закону при военном губернаторе состоял чиновник особых поручений. Однако круг обязанностей военного губернатора был настолько широк, что фактически приходилось иметь не одного, а нескольких чиновников особых поручений. Они назначались самим губернатором.

Канцелярия военного губернатора представляла собой орган, в котором сосредотачивалась вся переписка по военным, гражданским и пограничным вопросам. В первой половине XIX в. ее структура претерпела серьезные изменения. Они были связаны с новыми административно-территориальными изменениями и возрастанием общего количества дел. Так, в 1804 г. в связи с увеличением числа уездов Оренбургской губернии до двенадцати, был утвержден новый штат, включавший правителя, 5 губернских секретарей, одного переводчика, штат писцов⁶⁵.

В 1816 г. произошло изменение структуры канцелярии военного губернатора. Она была разделе-

на на два отделения: по гражданской и по пограничной части. Такое деление повысило эффективность работы канцелярии, сделало ее структуру более четкой. Каждое отделение рассматривало только определенный круг дел и вопросов и включало секретаря, писмоводителей, помощников, канцеляристов, переводчиков⁶⁶.

Следующий пересмотр штата канцелярии военного губернатора произошел в 1826 г. Было значительно увеличено жалованье членам канцелярии. Структура канцелярии сохранилась.

С 1830-х гг. военные губернаторы стали добиваться предоставления льгот чиновникам, служащим в Оренбургском крае. В 1836 г. именным указом было закреплено положение, по которому, чиновникам, отправляющимся в Оренбургскую губернию, выдавались «прогонные деньги» для проезда от места жительства до места службы и «подъемные», предназначенные для налаживания хозяйства. Чиновники, в свою очередь, должны были оставаться на службе три года. Но эти меры практически не давали результатов, поскольку окладное жалованье в Оренбургской губернии для служащих учреждений оставалось очень низким по сравнению с другими губерниями государства⁶⁷.

Самое значительное преобразование канцелярии военного губернатора произошло во время управления Оренбургским краем

генерала от инфантерии В. А. Обручева. 14 декабря 1843 г. военный губернатор представил рапорт на имя военного министра, в котором обстоятельно доказывал необходимость разделения гражданского отделения на две части: собственно гражданское и отделение по иррегулярным войскам. В 1840 г. в связи с увеличением состава, территории Оренбургского казачьего войска, значительно возросло делопроизводство по всем хозяйственным вопросам⁶⁸. Возникла необходимость создания отделения по иррегулярным войскам с собственным штабом. 7 ноября 1844 г. это изменение приобрело силу закона⁶⁹.

По новому штату канцелярия состояла из трех отделений: по гражданской части, по иррегулярным войскам, по пограничным делам. Первое отделение занималось определением на службу и увольнением чиновников, вело учет и оформляло отпуска, награды, чины, пенсии, дополняло и изменяло штаты, проводило дворянские и городские выборы, пресекало злоупотребления чиновников, выполняло функции призрения, составляло отчеты в вышестоящие инстанции, занималось рекрутскими наборами, недоимками, торгами.

К компетенции отделения по иррегулярным войскам относились дела по Оренбургскому, Уральскому казачьим, Башкиро-мещерякскому войскам, определение и увольнение людей со службы, отпуска, чины, награды,

изменения в управлении войсками, штаты, рассмотрение уголовных дел, спорных вопросов по войсковому имуществу, недоимкам.

Отделение по пограничной части занималось вопросами управления казахской степью: назначением и увольнением чиновников, определением жалования, наград, рассматривало уголовные иски между казахами, контролировало кочевания при линии и денежные сборы за него.

Помимо трех отделений в состав канцелярии военного губернатора входили два чиновника особых поручений. Они сопровождали военного губернатора во всех поездках, доставляли приказы и предписания в войска, осуществляли ревизию присутственных мест, войск. В таком виде канцелярия просуществовала до начала 1851 г., когда в результате образования Оренбургского и самарского генерал-губернаторства, ее структура претерпела серьезные изменения.

Военный губернатор осуществлял контроль за деятельностью губернских властей во главе с гражданским губернатором. На его рассмотрение предоставлялись только самые серьезные и значимые дела: приговоры суда, жалобы на злоупотребления чиновников, оказание помощи при неурожаях и стихийных бедствиях, предотвращение восстаний и волнений среди населения. Решения военного губернатора были обязательны для выполнения

гражданским губернатором и всеми учреждениями края.

Гражданский губернатор, также как и военный, осуществлял свои функции через канцелярию, которая была образована в 1798 г. По своему составу она была менее многочисленной, чем у военного губернатора. В нее входили один губернский секретарь и канцелярские служащие⁷⁰. Однако штат ее постепенно расширялся. К началу 30-х г. XIX в. число членов канцелярии гражданского губернатора достигло 15 человек.

Гражданский губернатор возглавлял губернское правление, являвшееся основным учреждением в системе гражданского управления Оренбургской губернии.

Функции губернского правления были широки и разнообразны. Оно контролировало расклад податей, выполнение повинностей, следило за состоянием школ, здравоохранения, полиции. Сюда поступали жалобы на «медленность и проволочку в производстве дел» в уездных судебных местах; жалобы на противозаконные действия чиновников. В губернское правление поступали отчеты от губернских и уездных учреждений.

Министерская реформа 1802–1810 гг., предпринятая Александром I, привела к раздроблению губернского правления на отдельные комитеты, комиссии, которые были поставлены в непосредственное подчинение цен-

тральным учреждениям. Тем самым власть гражданского губернатора несколько уменьшилась, хотя он продолжал оставаться «хозяином губернии». К началу 40-х гг. XIX в. число комитетов, комиссий, созданных в губернии достигло пятнадцати: приказ общественного призрения, комитет о земских повинностях, попечительное и тюремное общество, оспенный, статистический и мануфактурный комитеты, дорожная и строительная комиссии, рекрутское присутствие, казенная палата и др.

Гражданский губернатор обладал широкими полномочиями: финансовыми, полицейскими, судебными, административными. Многие из них существовали только на бумаге, в отчетах. Кроме того, функции военного и гражданского губернаторов не были четко разграничены специальной инструкцией или законом. Это рождало многочисленные споры и разногласия и мешало эффективной работе органов местного управления в Оренбургском крае.

Военный губернатор командовал всеми войсками Оренбургского края как регулярными, так и иррегулярными. В целях повышения боеспособности русской армии, обеспечения «внешней обороны и внутренней тишины», правительство провело здесь ряд реорганизаций войск. В конце XVIII в. регулярные войска края были объединены в 11-ю оренбургскую дивизию под командовани-

ем генерала от инфантерии барона О. А. Игельстрома – оренбургского военного губернатора. В состав дивизии вошли оренбургский драгунский полк, Рыльский, уфимский и екатеринбургский мушкетерские полки, четыре оренбургских мушкетерских гарнизонных батальона и три казанских мушкетерских батальона⁷¹.

В 1802 г. вместо 11-й дивизии была образована оренбургская инспекция, представлявшая своего рода округ с подчинением находившихся там войск трем начальникам по родам оружия – кавалерии, инфантерии и артиллерии. Войска возглавлял главный военный инспектор, одновременно являвшийся и военным губернатором края – генерал от кавалерии князь Г. С. Волконский⁷².

Однако вскоре правительство посчитало нецелесообразным объединять войска по типу инспекций. В 1807–1808 гг. в России вновь стали формироваться дивизии, включавшие в свой состав две-три кавалерийских, шесть-семь пехотных полков и артиллерийскую бригаду. 5 февраля 1808 г. оренбургская инспекция была преобразована в 23-ю пехотную дивизию⁷³. Начальником дивизии стал оренбургский военный губернатор генерал Г. С. Волконский.

После окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, российская армия стала переходить на корпусную систему управления в мирное время. 18 декабря 1816 г. войска, размещав-

шиеся в Оренбургском крае, были сведены в Отдельный оренбургский корпус. В него вошли регулярные и иррегулярные войска: 29-я дивизия, 14-я оренбургская гарнизонная артиллерийская бригада, инженерная команда, 35-я военно-рабочая рота, 12 инвалидов команд, Калмыцкий конный, 1-й и 2-й тептярские полки, Оренбургское и Уральское казачьи, Калмыцкое, Башкиромещеряжское войска⁷⁴. Во главе Отдельного оренбургского корпуса стоял военный губернатор, являвшийся его командиром. Он выполнял многочисленные функции по управлению военными силами края с помощью штаба. Штаб корпуса представлял собой орган военного управления регулярными и нерегулярными войсками, здесь решались вопросы расквартирования войск, обеспечения их продовольствием, фуражом, боеприпасами. В корпусном штабе разрабатывались планы военных операций, походов, принимались решения о командовании и перемещении отдельных рот, батальонов. Сюда поступали все приказы и распоряжения как по регулярным, так и по иррегулярным войскам.

Политика правительства в отношении казачьих войск приобрела подчас противоречивый характер. С одной стороны, оно стремилось к регуляризации уже существовавших казачьих войск, унификации управления ими, свертыванию в них самоуправления, а с другой – продолжало

формирование новых воинских организаций на иррегулярной основе. Самым ярким примером последней тенденции явилась реформа по переводу башкир и мишарей в военное сословие в 1798 г.⁷⁵. Этим шагом правительство рассчитывало усилить охрану линии, не прибегая к дополнительным расходам из казны.

Введение кантонной системы управления фактически полностью ликвидировало башкирское самоуправление. Власть перешла в руки специально назначаемых чиновников кантонной администрации.

Во главе кантонов находились кантонные начальники. Они выполняли обязанности по военному и гражданскому управлению населением⁷⁶. Регулярно они составляли отчеты главному военному начальнику края, в которых подробно описывали состояние кантона.

Введение кантонной системы не встретило серьезного сопротивления со стороны коренного населения. Главной причиной этого являлось то, что башкиры фактически и до 1798 г. находились на казачьем положении. В 1798 г. юртовые старшины и кантонные начальники отправляли в адрес Павла I многочисленные послания с выражениями верно-подданнических чувств⁷⁷.

В 1802 г. правительство предпринимает попытку реорганизации всех казачьих войск с целью упорядочить систему их управления. Были установлены единые

штаты войсковых канцелярий, которые стали делиться на три экспедиции – воинскую, гражданскую, экономическую⁷⁸.

Оренбургское казачье войско оставалось в ведении войсковой канцелярии. Согласно указу от 25 февраля 1802 г., по военным делам она зависела от оренбургского военного губернатора, а по гражданским – состояла в ведении гражданского губернатора и губернского начальства. Канцелярия содержалась за счет войска. Войсковому атаману полагалось жалованье от казны⁷⁹. В 1803 г. в состав войсковой канцелярии стали входить атаман, два «непременных» (т. е. постоянных) члена, два ассессора, два секретаря и шесть канцелярских служащих.

26 декабря 1803 г. было утверждено «Положение об Уральском казачьем войске»⁸⁰. Оно устанавливало состав войска: одна лейб-уральская сотня и 10 конных казачьих полков. Была учреждена новая войсковая канцелярия во главе с атаманом. Она делилась на две экспедиции: военную и гражданскую. Экспедиция по военным делам подчинялась военному губернатору, а по гражданским – гражданскому начальству.

Реформа вызвала открытое сопротивление в Уральском казачьем войске. Казаки с недоверием относились к попыткам реформирования, так как отчетливо видели в них стремление правительства ликвидировать казачье самоуправление, боялись превраще-

ния войска в часть регулярной армии⁸¹.

В 20-е гг. XIX в. отношение центральной власти к казачьим войскам изменилось. Правительство стало более жестко контролировать положение в войсках и вопросы назначения чиновников управленческого аппарата. 2 октября 1827 г. впервые августейшим атаманом всех казачьих войск был назначен наследник престола. Тем самым закреплялось формальное единство казачьей организации⁸².

В это же время появилось несколько проектов преобразования управления военными силами Оренбургского края. Так, военный губернатор П. К. Эссен составил проект изменения управления башкирами и мишарями. Он считал, что необходимо создать иррегулярное войско из башкир и мишарей. Оно должно было иметь своего атамана, канцелярию, кантонных начальников с помощниками и земскими комиссарами, юртовых старшин и подчиняться военному губернатору⁸³. В 1820 г. проект был представлен на высочайшее рассмотрение. Однако правительство тогда не решилось на преобразование, так как среди коренного населения поползли слухи, что башкир и мишарей переведут на положение регулярных сил.

Процесс образования Башкиро-мещерякского войска завершил В. А. Перовский. В 1834 г. Николай I подписал указ об учреждении должности командую-

щего войском. Первым на нее был назначен генерал-майор Циолковский⁸⁴. В 1836 г. были утверждены штаты по управлению Башкиро-мещерякским войском. Они предусматривали командующего из числа военных генералов. При нем полагались два адъютанта. Все войско делилось на 6 попечительств во главе со штаб-офицерами, при которых учреждался штат писмоводителей. В войско определялось 12 стряпчих, 17 кантонных начальников и 17 писмоводителей⁸⁵. Штат канцелярии командующего войском считался частью канцелярии военного губернатора и включал правителя, его помощника, двух столоначальников, канцеляристов, журналиста, бухгалтера, переводчиков.

Образование Башкиро-мещерякского войска было обусловлено стремлением правительства усилить среди башкир и мишарей военные порядки. Кроме того, оно было продиктовано задачами унификации системы управления нерегулярными войсками как в целом по России, так и в крае.

Еще одним шагом в этом направлении стало «Положение» об Оренбургском казачьем войске, утвержденное в декабре 1840 г.⁸⁶. По нему войско получило новое военно-административное устройство. «Положение» впервые законодательно закрепило за войском единую территорию. Оно было разделено на 10 полковых округов, составляющих 2 военных округа. Для усиления войска

в его состав обращались белопахотные солдаты, крестьяне, переселившиеся из других губерний. Положение четко определило обязанности, права и привилегии войска. Органом военного управления войска являлось войсковое дежурство, состоящее из помощника наказного атамана, дежурного штаб-офицера, адъютанта и аудитора⁸⁷. «Положение» предусматривало, что казачье население должно стать совершенно замкнутым военным сословием и всякий, кто в него зачислен, остается здесь навечно вместе со своим потомством. «Положение» придало Оренбургскому казачьему войску стройную военно-хозяйственную структуру, вполне приспособленную для выполнения задач по охране границ. Войско находилось в подчинении командира Отдельного оренбургского корпуса (или военного губернатора), но вышло из-под контроля губернских властей.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. командование всеми военными силами Оренбургского края (регулярными и нерегулярными) осуществлял военный губернатор. Его деятельность в этом направлении была подчинена главной цели – обеспечить эффективную охрану пограничной линии. К середине XIX в. правительству удалось создать достаточно оптимальную систему управления военными сословиями, которая ликвидировала сосредоточие всех функций в руках одного человека и позво-

лила успешно решать внутри и внешнеполитические задачи.

Внешнеполитическая деятельность местной администрации включала управление приграничными районами. Непосредственно эту работу выполняли пограничный суд и пограничная экспедиция. Однако местные жители, казахи очень редко обращались в эти учреждения. Для решения спорных вопросов они шли непосредственно к военному губернатору. Значительные расходы казны на содержание пограничного суда и пограничной экспедиции не были оправданы. В 1799 г. оренбургский военный губернатор Н. Н. Бахметьев выступил с предложением упразднить пограничный суд и пограничную экспедицию, а вместо них учредить Оренбургскую комиссию пограничных дел⁸⁸. 11 апреля 1799 г. император Павел I подписал указ, который законодательно оформил это изменение⁸⁹. В состав комиссии пограничных дел вошли председатель-комендант, два ассессора, казначей, секретарь, протоколист, регистратор, архивариус, переводчик, канцелярские служители, а также представители казахской знати: один султан и два старшины.

Оренбургская комиссия пограничных дел явилась преемницей пограничного суда и экспедиции. К ней перешли основные функции этих органов: разбор спорных дел между казахами и прилинейными жителями, предотвращение взаимных набегов и

отгона скота, решение земельных споров. Комиссия пограничных дел ведала вопросами расширения торговых связей с казахской степью, среднеазиатскими ханствами, определяла время выхода в степь торговых караванов, экспедиций. Работу комиссии пограничных дел контролировал оренбургский военный губернатор.

В конце XVIII – начале XIX в. Россия делала ставку на ненасильственные методы усиления своего влияния в степи, на доброжелательность и добрососедство. Именно эти принципы были положены в основу многочисленных инструкций и указов, которые приходили в адрес военного губернатора из столицы. В 1804 г. оренбургская пограничная комиссия разработала специальные правила для жителей пограничной линии, которые должны были до минимума сократить споры и конфликты между ними и казахами⁹⁰. 4 декабря 1818 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен отдал распоряжение комиссии пограничных и таможенных дел разработать проект мер по охране торговых караванов. Такой проект был составлен. Он предполагал сооружение на р. Сыр-Дарье военного поста и проведение от него до российских границ военного кордона.

В 1824 г. в Младшем жузе была проведена реформа по ликвидации единой ханской власти. Она не ввела никакой новой системы государственного управления. Реформа разделила территорию

оренбургских казахов на Западную, Среднюю и Восточную. Каждая из них стала по сути дела новым ханством во главе с султаном-правителем. Были назначены три султана-правителя: Каратай Нуралиев, Тимур Ералиев, Джума Худаймендиев. В 1824 г. султаны впервые наметили условные границы своих владений. К каждому из них назначался казачий отряд в 200 человек, а в 1825 г. к султанам были определены помощники⁹¹.

Новая реформа системы управления казахами была проведена в 1830 г. Вдоль пограничной линии было создано 22 дистанции от Гурьева до Звериноголовской крепости. Во главе дистанции ставились начальники из местной родовой знати. Они должны были наблюдать за жителями своей дистанции⁹². По мнению военного губернатора П. П. Сухтелена эта мера будет способствовать укреплению позиций России в казахской степи. В целом, начиная с 30-х годов XIX в. политика оренбургской военной администрации по отношению к казахским жузам меняется и приобретает более жесткие и настойчивые черты. Россия прибегает к организации военных походов в среднеазиатские ханства с тем, чтобы наказать виновных в многочисленных похищениях российских граждан. Ярким примером явился хивинский поход В. А. Перовского в 1839 г. Несмотря на «неудачу», он способствовал возвращению пленных и

укрепил позиции России в крае.

14 июня 1844 г. император Николай I утвердил «Положение об управлении оренбургскими киргизами»⁹³, согласно которому управление казаками делилось на общее и частное. Общее управление составляли оренбургский военный губернатор, комиссия пограничных дел. Военный губернатор действует по пограничному управлению «как главный начальник», руководствуясь инструкциями министерства иностранных дел. Военный губернатор контролирует деятельность комиссии пограничных дел, которая ежемесячно составляет ему отчеты о всех решенных и нерешенных делах. Кроме того, комиссия пограничных дел находится в подчинении азиатского департамента министерства иностранных дел. Частное управление было сосредоточено внутри кочевьев казахов. Его составляли родовые старейшины, представители знати, которые занимались решением хозяйственных, земельных дел, рассматривали мелкие споры.

«Положение» 1844 г. не установило нового порядка управления казахскими жузами, а лишь законодательно оформило существующий. В таком виде система управления просуществовала до образования Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. 9 декабря 1859 г. Оренбургская пограничная комиссия была отчислена из азиатского департамента министерства иностран-

ных дел и передана в Министерство внутренних дел, а ее председатель получил права губернатора. Тем самым было положено начало обособлению и выделению Тургайской области с собственным аппаратом управления⁹⁴.

Система военного управления Оренбургским краем, начало формирования которой относится к 30–40-м гг. XVIII в., просуществовала вплоть до 1881 г., до ликвидации генерал-губернаторской власти. По мере продвижения русского влияния в Казахстан и Среднюю Азию, Оренбургский край превращался во внутренний район государства с обычной общероссийской системой управления.

В конце XVIII – первой половине XIX в. система военного управления Оренбургским краем представляла сложный механизм взаимодействия отдельных элементов. Ключевой фигурой этой системы был главный начальник края, соединивший в своих руках всю власть по управлению.

Система военного управления включала учреждения, выполнявшие работу по управлению гражданским, военным населением края и осуществлявшие внешнеполитическую деятельность. Все они подчинялись главному военному начальнику края. В этой системе нашла отражение специфика региона, занимающего пограничное положение и имеющего огромную территорию. Следует заметить, что структура военного управления действо-

вала достаточно эффективно: она позволяла управлять разнообразным (по этническому и социальному составу) населением края, вполне успешно выполнять задачи по обеспечению безопасности оренбургской пограничной линии, по укреплению позиций России в Казахстане и Средней Азии. Вместе с тем, государство, опираясь на власть главных военных начальников края и систему военного управления, постепенно вытягивало Оренбургский край в общероссийскую государственную структуру. Государство поддерживало стабильность, обеспечивало необходимые условия для жизни.

1 Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 187.

2 ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 6/1. Л. 1–3.

3 Бальков О. Ф., Сергеев А. Д. О границах и территориальном составе Оренбургского края с 1744 по 1917 год // Исследования и исследователи Оренбургского края XVII–начала XX веков. Свердловск, 1983. С. 91.

4 Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.–Л., 1941. С. 216.

5 Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств. СПб., 1899. С. 202.

6 ПСЗ I. Т. 21. № 1517.

7 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 932. Л. 1.

8 ПСЗ I. Т. 21. № 1517.

9 Там же.

10 ПСЗ I. Т. 21. № 15308.

11 НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 120; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 932. Л. 17 об.

12 ПСЗ I. Т. 20. № 14392.

13 Губернский служебник или спи-

сок генерал-губернаторов, поручиков правителей, председателей уголовных и гражданских палат и дворянских предводителей в 47 наместничествах (1777–1796). СПб., 1869. С. 43–45.

14 ПСЗ I. Т. 44. № 17494.

15 Там же.

16 ЦГИА РБ. Ф. И. – 384. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

17 ПСЗ I. Т. 15. № 14392.

18 Там же. Т. 44. № 17494.

19 Там же. Т. 21. № 15141.

20 ЦГИА РБ. Ф. И. – 384. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.

21 Азаматов Д. Оренбургское магометанское собрание (XVII–XIX вв.) // Ватандаш. 1997. № 4. С. 191.

22 ПСЗ I. Т. 22. № 16710.

23 Там же. Т. 20. № 14392.

24 Там же. Т. 21. № 15324.

25 Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). М.–Л., 1940. Т. 4. С. 64.

26 ПСЗ I. Т. 22. № 16368.

27 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 933. Л. 45.

28 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып. 3. С. 35.

29 ЦГИА РБ. Ф. И. – 384. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

30 Там же.

31 Там же.

32 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Л. 2.

33 Материалы по ... ОКВ. Вып. 3. С. 29.

34 История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 100–101.

35 Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 475.

36 История казачества Азиатской России. С. 101.

37 ЦГИА РБ. Ф. И. – 384. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–33 об.

38 Там же. Ф. И. – 2. оп. 1. Д. 1214. Л. 1.

39 ПСЗ I. Т. 9. № 6567, 6571.

40 Там же. Т. 21. № 15324.

41 Там же.

42 Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 131.

- 43 Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / Под ред. М. П. Вяткина. М.–Л., 1940. Т. 4. С. 110–111.
- 44 Там же.
- 45 ПСЗ I. Т. 22. № 15991.
- 46 Там же.
- 47 Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). С. 66–67.
- 48 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934 (1). Л. 24.
- 49 Там же. Ф. 248. Оп. 81. Д. 2. Л. 7.
- 50 Юдин П. Л. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798) // Русский архив. 1897. № 4. С. 529.
- 51 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Л. 12.
- 52 Градовский А. Д. Указ. соч. С. 314–315.
- 53 ПСЗ I. Т. 24. № 17634.
- 54 Там же. № 17888.
- 55 ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 587/1; ПСЗ I. Т. 27. № 20170.
- 56 Там же. Т. 44. № 17702.
- 57 ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
- 58 РГИА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
- 59 Севастьянов С. Н. Биографические заметки о графе П. П. Сухтеленe, оренбургском военном губернаторе // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1902. Вып. 9. С. 32.
- 60 Захарьин И. Н. (Якунин) Граф В. – А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 2–4.
- 61 ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12941. Л. 37–40.
- 62 ПСЗ II. Т. 25. Ч. 2. № 24708.
- 63 Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 203.
- 64 ПСЗ I. Т. 44. Ч. 2. № 17702.
- 65 ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5269. Л. 3.
- 66 Там же. Д. 5669. Л. 17.
- 67 Там же. Оп. 4. Д. 9045. Л. 3–4.
- 68 Там же. Оп. 6. Д. 11967. Л. 6.
- 69 Там же. Л. 36.
- 70 РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 83. Л. 19.
- 71 ПСЗ I. Т. 44. Ч. 1. № 17606.
- 72 Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. Челябинск, 1996. С. 65–66.

- 73 Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 13.
- 74 Кобзов В. С. Указ. соч. С. 68.
- 75 ПСЗ I. Т. 25. № 18477.
- 76 Научный архив Уфимского научного центра Российской Академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 2.
- 77 ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 198/4. Л. 1–5.
- 78 Кобзов В. С. Указ. соч. С. 63.
- 79 ПСЗ I. Т. 27. № 20786.
- 80 Бородин Н. Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 10.
- 81 РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 224. Л. 46–47.
- 82 История казачества Азиатской России в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 106.
- 83 ЦГИА РБ. Ф. И – 2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 14–60.
- 84 ПСЗ II. Т. 12. № 9242/а.
- 85 ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 597. Л. 8.
- 86 Там же. Д. 190. Л. 10.
- 87 ПСЗ II. Т. 15. Отд. 1. № 14041.
- 88 ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
- 89 Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9842/14. Л. 4.
- 90 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.
- 91 Тольбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1959. С. 259.
- 92 ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1552. Л. 106.
- 93 ПСЗ II. Т. 19. № 17998.
- 94 Там же.

Рецензии

А.Д. Кокшаров Артиллерия Оренбургских крепостных линий
// Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. I Издательство «Оренбургская губерния» 2000 г.

Рецензируемая работа представляет собой переоформленное в статью выступление на секции «Историко-культурное наследие» II Международного симпозиума «Степи Северной Евразии», проводившегося в Оренбурге в июне 2000 г. Институтом степи УрО РАН.

Автор статьи, научный сотрудник Института истории Южного Урала и казачества России, проанализировал широкий спектр источников, большей частью введенных впервые в научный оборот. По материалам Государственного архива Оренбургской области составлены две таблицы, приведенные в качестве иллюстраций. Они являются результатом подсчета и анализа артиллерийских орудий и различных видов снарядов в сорока укреплениях и населенных пунктах Оренбургского края рубежа XVIII – XIX вв.

Обстоятельства использования артиллерии в период освоения края в XVIII в. предваряются историческим экскурсом. Опираясь на обширный круг литературы автор детально рассматривает конструктивные особенности различных типов орудий, особенности их эксплуатации. Параллельно с освещением техники применения артиллерии в XVIII в., рассматриваются особенности артиллерийских принадлежностей. характер-

ные именно для крепостей Южного Урала. Эти конкретно-исторические факты также выявлены при изучении архивных материалов.

С целью определения особенностей использования артиллерии на Южном Урале рассмотрены различные эпизоды истории XVIII в. Автор отмечает применение артиллерийских орудий в ходе крестьянской войны под предводительством Пугачева обеими сторонами. Наиболее эффективными чаще всего оказывались орудия малых калибров (3 фунта и менее) по причине скоротечности боевых действий. Отмечено использование для охраны и обороны Оренбургских линий бронзовых орудий полевой артиллерии – роты 1-го фузилерного полка.

Кокшаров А.Д. обращает внимание на снаряжение артиллерийских орудий во время походов в степь. Для сопровождения военных экспедиций применялись орудия малых калибров; уменьшенный против положенного по штату боезапас и, соответственно, меньшее количество тяжелых зарядных ящиков; большее количество упряжных лошадей; в холодное время года использовались сани для перевозки орудий и другого артиллерийского имущества; перевозка пехотного прикрытия на подводах.

Научное описание орудий, хранящихся в Оренбургском областном краеведческом музее делает излагаемый материал более осязаемым и наглядным, предметы вооружения являются не менее важным и информативным источником, чем архивные материалы. В ходе изучения реально существующих исторических памятников А.Д.Кокшаровым уточняются некоторые детали их бытования.

Автор ограничивается, в основном, рассмотрением событий XVIII в. Однако приводятся данные относительно боевого использования чугунных крепостных орудий в новопоселенных станицах и отрядах в XIX в. Прослеживается также изменение отношения к вышедшим из употребления артиллерийским орудиям в Оренбуржье с 1800 г.: «разбив на месте в штуки продать» до «самого ценного приобретения музея ОУАК - 14 пушек XVIII столетия» в 1898 г.

Анализируя архивные источники, литературу, музейные предметы Кокшаров А.Д. делает ряд обоснованных выводов. В XVIII в. на Южном Урале артиллерия была представлена большим количеством разнокалиберных орудий. Калибров насчитывалось более 50. Более половины рассмотренных орудий имели калибр менее 3 фунтов – самого малого из штатных калибров. Автор подчеркивает предпочтительность орудий малых калибров как для небольших укреплений, так и для действий в поле по причине легкости перемещения и возможности обслужива-

ния незначительным числом артиллеристов.

Из особенностей региона и тактико-технических данных артиллерии рассматриваемого периода, следует вывод о важности применения данного вида вооружения при освоении края. Дальность картечного выстрела превосходила дальность действенной стрельбы из гладкоствольных ружей в три раза. Низкую скорострельность ручного огнестрельного оружия и малочисленность регулярных войск и казаков перед лицом вероятного противника – бунтовавших башкир, джунгар, киргиз-кайсаков в XVIII в., требовалось компенсировать, уравнивать боевые возможности сторон в момент решительной схватки. Именно эту роль, по мнению автора, часто играла артиллерия на Южном Урале. В период «от Пугача замешания» артиллерия восставших, отчасти, восполняла нехватку других видов вооружения.

Важность артиллерии для освоения края в XVIII подтверждает и широкое распространение в укреплениях самых новых достижений артиллерийской практики: скорострельные трубки для воспламенения заряда в каморе орудия; палительные свечи для поджигания скорострельных трубок при неблагоприятных метеоусловиях; щетинные банники для очистки канала ствола, превосходившие банники обшитые овчинами; широкое распространение своего рода унитарных артиллерийских выстрелов, объединявших заряд

пороха со снарядом (ядром или зарядом картечи) и способствовавших ускоренному заряданию.

Перечисленные детали бытования нехарактерны для крепостной артиллерии рассматриваемого периода, где был наиболее распространен архаичный способ зарядания при помощи шуфлы (совка на длинном древке). Наличие этих нововведений в крепостях южного Урала автор связывает с большой «актуальностью» артиллерийского вооружения (в том числе малых калибров, о чем говорит процентное соотношение зарядов с ядрами

и картечами) для данного региона в XVIII столетии.

Таким образом, можно констатировать, что исследование военной истории и военной техники края, проведенное А.Д.Кокшаровым, расширяет наше представление о периоде освоения Оренбургского края. При дальнейшей разработке темы представляется целесообразным рассмотреть роль других видов вооружения, распространенных на Южном Урале в XVIII – первой половине XIX вв.

БОГДАНОВ С.В.,

кандидат исторических наук

КАЗАЧЬЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В издательстве «Оренбургская губерния» продолжается работа над **КАЗАЧЬЕЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ ЯИКА**

Директорат издания: Бочкарев Александр Павлович – директор ЗАО «Сокорос» (Москва), Павлычев Иван Григорьевич – глава администрации Оренбургского района, Пьянков Игорь Георгиевич – директор издательства «Оренбургская губерния».

Директорат обращается ко всем заинтересованным: казакам, ученым, предпринимателям, представителям власти с предложением о сотрудничестве.

Директорат обращается ко всем у кого сохранились любые сведения (фотографии, воспоминания, письма и т.д.) вместе с нами сохранить память о казачестве Яика

Контактные телефоны: издательство – 77-23-53

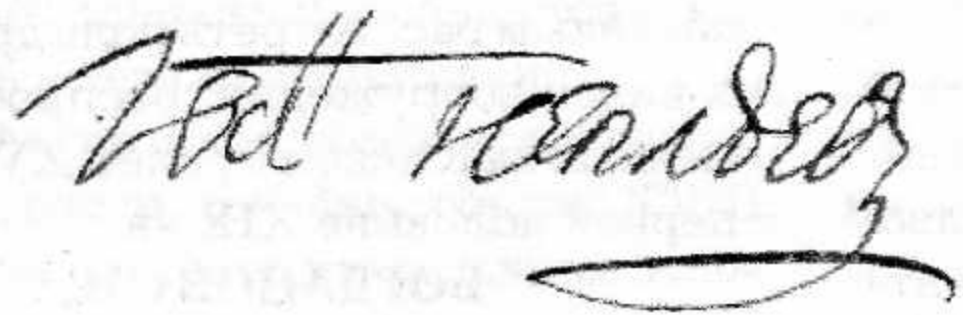
Издательство «Оренбургская губерния»

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
«1743» # 3

В БИБЛИОТЕКЕ альманаха «1743» выходят:

«ЗАПИСКИ НЕПЛЮЕВА»

— факсимильное издание

1743

3

январь

2004

1743

ЧЕРНОВ

«ЗАПИСКИ И.В.ЧЕРНОВА»

(первое полное издание записок генерал-майора казачьих войск и старейшего краеведа края.)

В БИБЛИОТЕКЕ альманаха «1743»
вышли:

Анатолий Прусс «ПРОЙТИ ПО
СТАРОМУ ГОРОДУ...»

Дмитрий Сафонов «НАЧАЛО ОРЕН-
БУРГСКОЙ ИСТОРИИ»

В своей работе доктор исторических наук, профессор Сафонов доказывает, что история основания Оренбурга «в том варианте, с которым мы все имеем дело, есть не более чем миф, легенда»

По поводу приобретения книг и предложения материалов для очередных альманаха и библиотеки звоните по тел.

77-23-53, 70-28-48, 23-21-72

ВСЕ ВИДЫ

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ:

ООО «Оренбургская губерния», тел. 77-23-53, 23-21-72,

70-28-48, e-mail: orennet@rambler.ru